

Таня Си

Оттуда.

Исполнение

Желаний

СУПЕР Издательство

Таня Си Оттудова. Исполнение желаний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24157072

Оттудова. Исполнение желаний: ООО «СУПЕР Издательство»;

Санкт-Петербург; 2017

ISBN 978-5-9500170-0-1

Аннотация

Роман основан на реальной истории. Кому-то будет интересно узнать о бытовой стороне заграничной жизни, кого-то шокирует изнанка норвежского общества, кому-то эта история покажется смешной и забавной, а кто-то найдет волшебный ключик к исполнению своего желания.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

84

Таня Си Оттудова

Исполнение желаний

© Таня Си, 2017

© ООО «СУПЕР Издательство», 2017

В некотором царстве, российском государстве жила красивая молодая женщина и звали ее Золушка. Многочисленные попытки наладить достойную жизнь после развала Царства закончились крахом: трудно выживать на честные, но очень маленькие деньги и оставаться независимой от разных Кашеев. Ее первая мысль о заграничном принце возникла в 1995 году, когда шел уже четвертый год «счастливой» семейной жизни с Пьяньмордо. Постоянная борьба за выживание своих детей, пьяница-муж и демократия по-русски не оставили светлой надежды на безоблачное будущее. Из-за систематической нехватки денег, отсутствия крестной Феи и непрекращающихся семейно-бытовых проблем подготовка к встрече с принцем затянулась на годы.

* * *

Муж погиб в автомобильной аварии и вот уже три года, как я вдовствовала, растила одна детей и крутилась на

двух работах. Казалось, что из этого замкнутого круга работа-дом-дети я не вырвусь никогда и о личном женском счастье нужно забыть. А, когда же жить? И так хочется, вопреки всей реальности, любить и быть любимой.

Конечно, я никогда не делала тайны о своих планах ни от детей, ни от родственников, ни, тем более, от друзей. Я свято верила, что только там, за границей и есть настоящая жизнь и счастье.

Свой загранпаспорт я честно выстрадала, многократно томясь в коридорных застенках ОВИРа, сделав, тем самым, первый шаг на пути к намеченной цели.

Дети с восторгом поддерживали идею о соискании принца-папы за рубежом. Со всей своей непосредственностью они мечтали вслух о богатом, добром отце, всевозможных подарках, велосипедах, компьютерах и т. д. по алфавиту. Милые дети, они еще не знали, что доброта и богатство – понятия зачастую несовместимые.

Родители не очень верили в реальную возможность такого замужества, а поэтому постоянно иронизировали, но не препятствовали. Подружки просто не понимали и откровенно спрашивали «кому Золушка ТАМ нужна?» и «как жить в чужой стране без друзей и близких?».

Второй вопрос меня абсолютно не смущал. Благодаря современным способам связи через интернет и мобильник человек обречен на круглосуточное, ежеминутное присутствие друзей и близких, несмотря на страны, время, здоровье, по-

году и настроение.

А вот первый вопрос огорчал совершенной ясностью своего ответа: Золушки нигде никому не нужны.

В своей стране, которая меня бесплатно выучила, дала бесплатное высшее образование, интересную работу и... символическую заработную плату, приемлемую, разве что, в виртуальном мире, оставаться было бессмысленно. Жить приходится в материальном мире и не считаться с этим, увы, нельзя.

Я работала по будням, выходным и праздникам, получала пенсию по потере кормильца, и в общем-то, не бедствовала. Но мое почти постоянное отсутствие, стало плохо сказываться на детях.

Они стали хуже учиться, чаще ругаться. Я чувствовала, что если и дальше меня не будет рядом с ними, то потом уже будет поздно. Воспитывать детей, помогать им, заниматься с ними, общаться нужно постоянно, а не от случая к случаю.

Как любящая мать я обязана содержать своих детей и дать им возможность полноценно реализовать свои способности, свой потенциал на нравственной основе, которая закладывается с детства.

Многочисленные мужчины из близкого окружения хотели только постельных отношений, совершенно неприемлимых для меня.

Я же, как и дети, мечтала о полной семье, о сильном, честном и добром Ойвенго, но свои мужчины спиваются или бо-

ятся даже намек на ответственность. Вот и выходит, что надо искать принца «за тридевять земель, в тридесятом царстве-государстве».

* * *

Ограниченные денежные средства обрекли почти на гамлетовский вопрос: есть или не есть, в смысле еды. Пришлось даже голодать в пользу портфолио и такой радужной перспективы счастливой жизни в такой недалекой загранице.

Первые две попытки застать фотомастера на работе закончились неудачно, так как он был в затяжном отпуске и каждый раз переносил дату приезда.

Может это знак свыше и надо отказаться от своей затеи?

Наперекор всему и своим сомнениям, со всей решительностью и верой в успех я поехала в фотосалон уже в третий раз. Погода была ужасная: дождь, холод, ветер, снег... бррр! А я вся такая красивая, загорелая, с макияжем от макушки до пят, с килограммом лака на голове и огромным тяжелым пакетом в руках вынуждена скитаться по рынку в ожидании назначенного часа.

Лучше сидеть голодной, но дома и возле горячей батареи, чем превратиться заживо в снежную бабу. Когда ногти стали синеть, зубы – громко и беззостановочно стучать, а лицо съеживаться, я решительной походкой робота-калеки направилась в ближайший бар. Пришлось упражняться в разгиба-

нии пальцев, потому что я не могла достать деньги, чтобы оплатить пятьдесят граммов коньяка по цене одной бутылки водки. Организм ощутил дополнительные градусы и начал медленный, но верный процесс восстановления жизнедеятельности.

Осталось сделать последний шаг, точнее, полторы тысячи метров до намеченной цели. И вот долгожданная выстраданная встреча. Милый молодой человек провел меня... в подвал, который использовался по прямому назначению – под хлам. Именно здесь я переодевалась и скромно позировала, не зная куда деть руки, а потом и ноги.

Через две недели я оплатила пятнадцать фотографий и, с полным чувством удовлетворения от завершенности одного из этапов, углубилась в созерцание своего образа на фотобумаге. Со снимков на меня смотрела обаятельная, загадочная, красивая, но какая-то чужая женщина. Общим результатом я была довольна: вот, что значит красота – ничем ее не испортишь – ни холодом, ни ветром, ни косметикой, и ни, тем более, коньяком.

В моем распоряжении имелось несколько адресов американских, норвежских и русских брачных агентств, которые рекламировались и в газетах и по интернету. Основным критерием моего доверия к агентству стало бесплатное оказание услуги по поиску партнера за рубежом.

Пять дней и ночей я переводила с русского на английский и норвежский языки краткое письмо о себе, о своем

понимании семейного счастья. Семь конвертов со студийными фотографиями и душещипательными письмами отправились по разным адресам и странам. С этого момента начался самый утомительный этап – ожидание.

Ежедневный, многоразовый, практически ритуальный просмотр почтового ящика огорчал своей пустотой. Я понимала, что прошло совсем мало времени, что в лучшем случае только через две недели письма дойдут до адресата... Но как часто мы поступаем логично? Так и я, все понимая, упорно продолжала заглядывать в ящик: а вдруг, УЖЕ?

Незаметно пробежал месяц, а игра «счастливый случай» продолжалась с тем же неизменным успехом – ни одного ответа! Суэта повседневной жизни отнимала все свободное время, силы и внимание, но я настойчиво продолжала искать ответ на классический вопрос «что делать?» и «как я в этом виновата?». Вопросы далеко не новые, и, увы, не риторические.

В творческом поиске я залпом читала эзотерическую литературу, после прочтения которой задумала один эксперимент над... собой. Оказывается, если напрягать себя самой, то жизнь перестает преподносить горькие уроки и неприятные сюрпризы: космос видит твои добровольные страдания и не посылает новые. В свете данного умозаключения я уволилась с любимой, малооплачиваемой и ненормированной работы, чтобы иметь время для воспитания детей, а также – время для изменения себя.

Случайно прочитанная литература по фэн-шуй советовала выкинуть все старое и ненужное для того, чтобы появилось новое и нужное. Четыре дня мы с детьми выносили из квартиры милый сердцу хлам: старую одежду, вещи, посуду. Дышать в квартире сразу стало легче, захотелось какой-то осязаемой активной деятельности. И вот на волне этого сильного желания я и начала самый сложный этап своего перерождения.

Да, это сказка быстро сказывается, а все остальное, ох, как долго делается. Мало кто знает, что такое «сухое голодание», хотя название отвечает само за себя: голодать без воды и еды. Совсем. Пытка жуткая. На второй день от меня стало вонять сразу и ацетоном и бензином и ароматом общественного туалета «эпохи застоя». Пропало желание двигаться, говорить. На третий день не то, что курить – жить не хотелось! Каждая клетка стала доменной печью – я плавилась изнутри! С пересохших губ отслаивалась слизистая, на коже выступила желтоватая вонючая жидкость. ВСЕ стало абсолютно безразлично – я как будто выпала из времени. И так я издевалась над собой, с небольшими перерывами, девятнадцать дней. Я полностью избавилась от старых вредных привычек и приобрела новые и полезные. Организм был так счастлив тому, что выжил и очистился, что гудел, как трансформаторная будка.

Дети были рады, что их мама не умерла, бросила курить, стала заниматься спортом, стала уравновешанной и позитивной во всех отношениях. Конечно, трудно становиться дис-

циplinированной женщиной, но возможно, когда есть заманчивая цель.

Вообще, это очень интересно жить по собственным правилам, которые дают только положительный эффект и на моральном, духовном уровне, и на материальном. Возникает внутренняя гармония и с собой и со всем окружающим миром, как таковым. Я перестала возмущаться и переживать по поводу несоответствия моих представлений с тем, с чем сталкивалась в повседневной жизни: надо учиться мирно сосуществовать с чуждыми правилами и порядками.

Вот уже три месяца, как в ходе напряженнейшей борьбы со своим организмом и различными искушениями, я радикально изменилась, а каких-то судьбоносных событий так и не происходит. Спят ОНИ там в космосе, что ли? Почтовый ящик пуст и финансовая катастрофа не за горами. Придется искать работу, а это опять стрессы, нехватка времени и реальная возможность возврата старого образа жизни. Такая перспектива немного пугала, но не возмущала.

Почему происходит задержка в исполнении моего насущного желания? Господи, знаю, что виновата во всех грехах, но я же раскаялась и больше их не повторяю! И неужели двухгодичное половое воздержание не может хоть частично компенсировать девичий сексбумбум? Знаю-знаю, что на энергетическом уровне взаимозачетов нет. Совершил доброе дело тайно – это нормально, поэтому премии не будет, но за все плохое и противоестественное по шкале нравствен-

ных законов, каждый платит по соответствующему тарифу: это разные болезни и степени проблем. Болезни, слава Богу, не преследовали ни меня, ни детей, а вот проблема осталась одна – где же новый папа? Для себя я уже давно решила, что основной критерий соответствия мужчины в качестве члена семьи, должно быть его детолюбие, доброта, щедрость души.

Ничто не предвещало счастливого дня... , но он наступил! Пришло аж два письма!!! Господи, спасибо! Мы победили!

Сердце так забилося, что заглушило вокруг все звуки. Вот она, ПОБЕДА. Эксперимент, все-таки, удался!

Первое письмо содержало маленькую анкету на плохом русском, а поэтому не внушило мне доверия. В другом же письме меня приглашали по конкретному адресу, чтобы я могла получить письмо и фотографии от жениха.

* * *

На мой звонок дверь открыла больная пожилая женщина, которая, проводив меня на кухню, стала задавать странные вопросы: не передумала ли я, не пугает ли меня языковой барьер. Не задумываясь я отвечала «нет». Если честно, то после пережитых голодовок меня уже ничто не пугало ни в настоящем, ни в будущем. Пенсионерка подозрительно посмотрела на меня, но, убедившись в моей искренности, протянула мне конверт от жениха.

На фото был крупный мужчина приятной внешности,

чуть старше меня. Из письма я узнала, что работает он в крупной фирме, что у него двое детей от первого брака, и что он хочет жениться на мне, чтобы быть хорошим отцом моим детям. Я прочитала именно то, что хотела прочитать больше всего на свете: что у моих детей будет заботливый отец. Я согласилась ехать и выйти замуж за незнакомого человека, ни минуты не раздумывая.

Мою тихую радость не могли омрачить даже самые ужасные предположения моих подруг и родственников о возможных тяжелых последствиях ТАКОГО шага. По их мнению меня обязательно или расчленят на донорские органы или сделают рабой продажной любви. Но на все страшилки у меня был один ответ – судьба.

Для выезда в Норвегию надо было открыть визу. Это было равносильно «пойди туда – не знаю куда, найди то – не знаю что». Гостевое приглашение от будущего супруга находилось в консульстве и было выдано мне для оформления документов на шенгенскую визу. Через десять дней я стала счастливой обладательницей визы сроком на девяносто дней.

Накануне моего вояжа сестра увезла детей к родителям и поэтому последнюю ночь я провела в полном одиночестве. Слабая надежда на теплые проводы окончательно умерла к шести часам утра. Как ни печально, но никто из друзей или родственников не смог приехать, чтобы благословить и проводить на чужбину. Печально, но не смертельно – я уже давно все воспринимаю, как должное, особенно далеко не иде-

альные человеческие отношения.

Прибыв в аэропорт за три часа до регистрации я стала искать представителя нужной авиакомпании, чтобы получить уже проплаченные билеты. Но офис был закрыт, а расписание и контактные телефоны – засекречены. Никто ничем помочь не мог. Три часа обернулись вечностью— я здорово забеспокоилась. К счастью, я даже мысленно никого не ругала – внутренне я стала готова и к отъезду и к возможной задержке.

И проблема решилась положительно, хоть и в последний момент. Билеты оказались уже лежащими на билетном контроле, где я их незамедлительно и получила. Не успела я порадоваться, что все трудности позади, как меня тормознули на паспортном контроле – я оказалась моложе своей двухлетней фотокопии из паспорта, как минимум, на пятнадцать лет. Наголодалась на свою голову. Вот, если бы выглядела старше, то это вряд ли бы заметили.

Я терпеливо ждала, когда группа паспортистов решит, кто же там на фото и можно ли меня выпускать. Что-то доказывать я боялась, потому что, как известно, сила действия рождает силу противодействия, а поэтому я терпеливо и спокойно наблюдала, как меня подробно разглядывают. Наконец, и они устали от игры в «гляделки», и поэтому пропустили на посадку.

Потрепанный временем ветеран отечественного самолетостроения дрожал под порывами ветра и ног немногочис-

ленных пассажиров. В добрый путь, ура!!! Самолет все-таки взлетел!

Мне предстоял двухчасовой перелет «за тридевять земель в северную столицу тридесятого государства» город Тромсе.

Неудобно расположившись в кресле салона, я стала невольно вспоминать опасения и разные «страшилки» своих близких. Как не прислушивалась я к своим внутренним ощущениям, я не чувствовала какой-то скрытой угрозы или сомнений. Я свято верила в свою счастливую звезду и защиту Высших Сил. Конечно, я предполагала, что возможно, мы не подойдем друг другу. И такое, увы, бывает. В таком случае надо будет найти работу, чтобы полностью использовать срок визы и вернуться домой не с пустыми руками.¹

Вообще, решать проблемы надо по мере их возникновения, а не заранее. Если начать придумывать различные решения, то обязательно возникнет такой заковыристый вариант, что и думалка не выручит. Многие люди с маниакальным старанием постоянно крутят в голове сотни вариантов негативных мыслеобразов, тем самым программируя свою жизнь именно на них. А любой сильный или длительный страх, негатив, сомнение действуют, как вирусы в компьютерной программе: делают «сбой-искажение» в собственной жизненной программе и притягивают подобную.

Мои размышления прервали молодые люди, сидящие сле-

¹ По норвежским законам лицо, приехавшее по гостевой или туристической визе, не имеет право на работу. – *Прим. автора*

ва от меня. Мальчики лет двадцатипяти пили водку и явно искали повод для знакомства. Предлог оказался до банальности простым – мне предложили выпить. Удивившись, но не огорчившись моему отказу, молодые люди стали щедро угощать меня консервированными ананасами и рассказами о себе. Через несколько минут я уже знала, что они едут по рабочей визе на рыбную фабрику, что один год они уже отработали, а теперь им продлили контракт еще на один год, по истечении которого они не смогут оформлять трудовую визу в течение года. ².

Ребята стали горячо агитировать меня, чтобы я поехала с ними, что они меня и трудоустроят и с проживанием помогут. Меня, естественно, смутила и их настойчивость и легкость пьяных обещаний. Чтобы не препираться и не обижать их категорическим отказом, я обещала подумать. Свой визит в Норвегию я, как заправский разведчик, объяснила желанием посмотреть страну. По наспех придуманной легенде я ехала в гости к подруге, которая вышла замуж за норвежца. И именно он и будет меня встречать. Сказать правду первым встречным я не могла по одной простой причине: какая нормальная женщина в здравом уме и рассудке едет выходить замуж за незнакомого мужчину? Да и гарантии, что мой брак состоится, тоже не было.

² Смотри сайт норвежского Директората по делам иностранцев www.udi.no. – Прим. автора

Тромсе встретил снегом и холодным ветром. Пассажиры засуетились и стали поспешно выходить из салона, стараясь побыстрее добежать до спасительного здания аэропорта. Под тяжестью единственной сумки у меня стали заплетаться ноги, но я упорно тащила ее, понимая, что в противном случае, меня просто сдует ветром. Бывший попутчик сжалился надо мной и предложил свою помощь. Он взял у меня сумку, на ходу пообещав помощь и в дальнейшем, если меня никто не встретит.

Я не сразу поняла, что мы уже вошли в зал ожидания: несколько кресел, на которых сидели встречающие. И вот тут, совершенно неожиданно, я увидела ЕГО. Ноги подкосились. Даже сидя ОН был выше меня. Огромное кожанное сомбрерро напоминало взлетную площадку, отросшая до безобразия щетина почти полностью покрывала лицо.

Заготовленная и много раз отрепетированная фраза с приветствием на норвежском языке, весь английский и русский сразу вылетели у меня из головы и я просто онемела. Сопровождающий меня молодой человек настойчиво спрашивал о моих планах, а я как вкопанная пялилась на «женуха», не в силах выдать ни звука. Норг, явно что-то заподозрил, скорчил возмущенно-обиженную гримасу и резко встал, окончательно «добив» меня своей внушительной мас-

сой. Такого большого человека, в прямом смысле слова, я еще не встречала, разве что читала про таких в мифах или сказках.

Жаль, что выглядел мой новоявленный жених, не как сказочный герой. Очень грязная роба, рваная обувь, обмотанная строительным скотчем, черные невымытые руки. Цветов не было.

Норг стал что-то говорить очень громко и возмущенно, агрессивно поглядывая на застывшего рядом со мной добровольца. Чтобы не позориться дальше, я поспешно распрощалась с попутчиком, который передал мою сумку норгу, а сам поспешил на выход.

Я находилась в таком глубоком шоке, что вообще не понимала сути происходящего. Мистер Сомбрерро молча повернулся и понес свое тело и мою сумку в неизвестном направлении. Может это все, что ему нужно?

Раздумывать было некогда, потому что Сомбрерро шагал семимильными шагами и стремительно удалялся от меня. Как зомби, без единой мысли в голове, на совершенно негнущихся ногах, я поспешила за ним. Мы спустились на парковку и подошли к «Мерседес 500». По жесту спутника я поняла, что он приглашает меня сесть в ЭТУ машину. УАУ! Я и так была на последнем издыхании, а тут, вообще, дух захватило: никогда прежде я и близко не видела подобной тачки.

Я открыла дверцу и приступ восторга сменился приступом тошноты: все сиденье было завалено упаковками из-под

еды, фантиками, объедками, пустыми бутылками. Я замерла в нерешительности: как же садиться в эту помойку? Нерусский мужчина правильно оценил ситуацию, одним махом сгреб весь мусор на пол и стал яростно утрамбовывать его ногой, проявляя, отнюдь, не скандинавский темперамент.

От стресса я еле держалась на ногах, поэтому без претензий и дополнительных приглашений рухнула на освободившееся сиденье, водрузив ноги на задушенный мусор.

Мы долго ехали молча. Постепенно в голове стали возникать мысли, я стала способна хоть что-то соображать. Машина у Сомбрерро, конечно крутая, но замуж я за него не пойду хоть за все сокровища мира. Ощущение того, что я оказалась в ИНОМ мире было до ужаса реальным. Я – Настенька из «Аленького цветочка», а рядом рулит Чудовище из этой же сказки. Абсурд и полный крах мечты о счастливой семейной жизни.

Жестом я попросила закурить, на что Сомбрерро согласно закивал и угостил сигаретой. Нервно затягиваясь и удивившись отсутствию отвращения к табаку, я стала обдумывать дальнейший план действий. Через пару часов, когда мы приедем, я очень вежливо постараюсь объяснить, что мы не подходим друг другу, что деньги потраченные на меня, я верну позже, а потом позвоню бывшим попутчикам и попрошусь на работу.

Немного успокоившись, я стала потихоньку наблюдать за водителем. Он сидел расслабившись, руля одним пальцем,

не глядя переключая скорости все тем же пальцем, иногда придерживая руль коленкой. Курил он практически постоянно, но иногда засовывал за губу вонючий растительный табак.

Прошло два часа, а мы продолжали ехать и, судя по безлюдной местности, путь предстоял еще долгий. Я стала внимательно осматривать окрестности любоваться красотой природы. Ослепительное солнце, пронзительно голубое высокое небо, величественные горы с заснеженными вершинами и какая-то удивительная хрустальная чистота немного сгладили мой внутренний дискомфорт.

Видно, почувствовав, что добыча ускользает из рук или пытаюсь произвести приятное впечатление, не знаю точно, но товарищ норг взял мою руку и стал целовать ее с пылом... голодного людоеда. У меня же не было даже сил хоть как-то отреагировать на это – съест так съест.

Дорога часто проходила через прорубленные в горах тоннели. Перед каждым стоял указатель с названием и протяженностью. О норвежских дорогах можно сказать кратко и емко – это сплошной экстрим! Жуткие повороты сменялись бесконечными серпантинами – подобный ужас я испытала в далеком детстве на дороге Адлер-Сочи. Правда, качество норвежской дороги было настолько изззюмительным, что из кружки с напитком, стоящей на приборной панели машины, ни разу не пролилось ни капли.

Потом была паромная переправа – это когда все машины

паркуются на палубе корабля. Мы, как и все пассажиры, покинули свое транспортное средство, поднялись на верхнюю палубу и расположились в зале ожидания. Поскучав около часа в полном молчании, мы спустились, сели в машину и выехали на берег, к которому пришвартовался плавучий гигант.

Когда же закончится эта поездочка? Что-то тетечка очень ошиблась насчет времени. Я знала, как зовут норга, но язык не поворачивался произнести его имя вслух. Чтобы как-то сгладить неловкость от многочасового молчания я достала из сумки подарочный парфюмерный набор и протянула его своему спутнику. Он тут же открыл подарок, протестировал аромат и, одобрив его, стал благодарить меня на норвежском и английском. Слабо улыбнувшись в ответ, я подумала, что может моя жертва ненапрасна и он отпустит меня с миром.

Мы въехали в какой-то город. Конечно, в русском понимании, это городом назвать трудно. В основном, двух-трехэтажные каркасные дома выкрашенные в самые разные цвета. Какие-то административные здания были из кирпича.

Неожиданно мы остановились у огромного торгового центра. С необыкновенным проворством для своей массы мой спутник вышел из «мерса», ничего не задев и не сломав. Как же затекли ноги и уже атрофировались ягодичные мышцы. Господи, я еще не умерла? Меня стало слегка знобить, но не от холода.

Одвард, так его звали, взял меня за руку и повел по много-

численными лестницами и переходами мимо всевозможных магазинов. Ощущение того, что ВСЕ смотрят только на нас было кошмарным. Прямо «Моська и слон» из басни И. А. Крылова в лицах. Я раньше никогда не комплексовала по поводу своего небольшого роста, а тут, рядом с норвежским великаном я чувствовала себя недоженщиной, Дюймовочкой, которую случайно могут растоптать и даже не заметить этого.

Наконец, мы вошли в парфюмерный бутик и Одвард с видом тонкого ценителя стал тестировать всевозможные духи. Меня приятно удивило поведение продавщиц, которые немного суетились, но искренне пытались помочь неприглядному мужчине в таком деликатном деле. В конце-концов, Одвард нашел, что хотел, оплатил покупку, самодовольно прошумел шутку, которой все рассмеялись, вручил мне подарок и стремительно пошел прочь.

Мы снова были в пути. И чем дальше мы ехали, тем явственнее я понимала безнадежность своего положения: из такой дали мне уже не добраться до бывших попутчиков.

Через некоторое время мы остановились у неприметного домика, оказавшимся местным кафе. Хорошо, что слово «туалет» на норвежском звучит и обозначает тоже самое, что и на русском, поэтому Одвард сразу понял меня и указал жестом нужное направление. Туалет оказался чистым, уютным местом, с белой двухслойной туалетной бумагой, с жидким мылом для рук, с горячей и холодной водой и с одноразовыми бумажными салфетками для рук. Такой маленький гиги-

енический рай. Выйдя из туалета, я нашла взглядом своего путеводителя и направилась к нему.

Одард уплетал гамбургер со скоростью звука и, пока я сидела напротив, он уже с ним окончательно покончил. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы подавить невесть откуда взявшуюся в руках дрожь, и взять нож и вилку. Одвард пристально смотрел, как я с усилием режу гамбургер нетупым ножом. Аппетита не было совсем. С трудом прожевав и проглотив первый кусочек, я поняла, что и под дулом пистолета больше съесть не смогу. Отодвинув тарелку, я взяла чашку с чаем и стала медленно пить. Каково же было мое удивление, когда Одвард спокойно принялся доедать мою порцию.

* * *

Поездка до места назначения закончилась через двенадцать часов. Я находилась в полном ступоре: никаких мыслей, чувств, эмоций или страхов. Лишь в момент парковки у красивого дома я слегка встрепенулась, не веря своим глазам. Это – его дом? Но пошли мы не на парадное крыльцо. Мы спустились в... подвал. Оказалось, что Одвард снимает благоустроенный подвал площадью около ста квадратных метров, а хозяева живут наверху.

Последним усилием воли я заставила себя принять душ. Члены тела с трудом слушались меня, я в буквальном смысле

слова валилась с ног. Вопрос о близости уже меня не мучил. Мне было уже все равно: где, с кем, сколько, как. Мои честь и достоинство упорно молчали, не подавая признаков жизни, а мозг после душа, вообще, отключился. Я смотрела на все как бы со стороны, хотя все происходило именно со мной. Меня раздевали, ласкали и гладили огромные пальцы..., а я, как партизан, молча и мужественно сносила все происходящее.

Одвард оказался неплохим любовником и настоящим джентельменом. Сразу после «того как» он сказал роковые слова на английском: «выходи за меня замуж, твои дети – мои дети». Я заплакала... и согласилась.

Ровно через секунду Одвард заснул. Счастливчик. Я же чувствовала такой огромный душевный стресс, что никак не могла отключиться. Весь мой жизненный опыт оказался абсолютно бесполезным и я не могла проанализировать сложившуюся ситуацию. Я постаралась мыслить позитивно, стараясь внушить себе, что смертельная опасность миновала и все будет хорошо, что пора спать, спать, спать, но... громоподопный храп и взрывоподобное пердение Одварда прервали и свели на нет все мои попытки забыться в спасительном сне.

* * *

Утром Одвард побрился и я увидела довольно симпатичное лицо викинга. «Утро вечера мудренее» – именно так

учили недотеп в русских народных сказках. Вобщем-то, не такой он и страшный, как показался мне вчера, а очень даже добрый и немного привлекательный.

Но на этом сюрпризы не закончились. Застилая кровать, я как-то, между прочим, заметила, что простыни настолько старые, что прорвались в некоторых местах, а двуспальное ложе – это сделанный из обыкновенных досок настил, стоящий на березовых чурках!

Открыв дверь в гостинную я натолкнулась на горы одежды, вываленной прямо на пол: гора трусов, гора маек, горная цепь носков. Отдельной кучей валялись коробки из-под посуды. Да, зрелище не для слабонервных. В довершении картины вся обивка на мягкой мебели выгорела и прогнила еще в прошлом столетии. Куда я попала? Это что, как в сказке, чем дальше, тем страшнее? Не знаю, как протекали мои мыслительные процессы и были ли они вообще, потому что мозг, как бы фиксировал все вокруг, все до мельчайших подробностей, но не бил тревогу, не делал выводы. Я, как будто, находилась в коме: органы функционируют, а сознание отсутствует.

На завтрак были бутерброды с сыром, ветчиной, семгой, вареными яйцами, которые господин викинг поедал в огромном количестве с молниеносной быстротой, намазывая их или вареньем, или медом, или шоколадной пастой. Мой аппетит умер в зародыше и меня уже не радовало такое разнообразие и обилие еды. Почти спокойно, с легким чувством

тошноты я наблюдала, как хлебные крошки в масле и варенье градом сыпятся ему на грудь, ложась пестрым и ровным ковриком. Закончив свой марафон, Одвард несколько раз громко отрыгнул и, слегка напрягшись, с нескрываемым блаженством, пропердел особенно звучно и протяжно... Запах говна и вони чуть не убил меня на месте. Я испуганно вскочила и опрометью бросилась в коридор, а в след мне несся дикий самодовольный гогот Одварда.

Отдышавшись и придя в себя, я даже не пыталась это как-то объяснить. Да и как можно объяснить такую дикость? Что-то слишком много событий для одного утра, мудрого норвежского утра. Может, лучше быть слепой, глухой и без обоняния?

* * *

В субботу и воскресенье в Норвегии никто не работает, все ходят друг к другу в гости. Одвард затаскал меня по гостям с первого же дня. Мы могли придти в гости в семь вечера, а уйти в два или три часа ночи. И все это время я, как верная и бессловесная с... спутница, должна была притворяться, что мне безумно интересно ничего не понимать. В гостях, как правило, не угощали. В лучшем случае могли предложить кофе или кока-колу. Удивительно, но самым традиционным норвежским напитком оказался кофе. В Бразилии и то меньше пьют, наверное.

Как же это психологически тяжело не понимать чужой язык! Норвежский мне казался сплошной абракадаброй, не поддающейся изучению. Бла, бла, бла, бла, бла! Я даже не понимала по интонации, где заканчивается одно слово и начинается другое. Поэтому, радостное сообщение Одварда о том, что мы снова идем в гости, меня не радовало, а наоборот, огорчало и напрягало.

Как правило, нас принимали благодушно. Каждый присутствующий здоровался со мной за руку, называя свое имя, которое я тут же забывала. Мужчины частенько поглядывали на меня, как на инопланетянку, а женщины не обращали никого внимания. Иногда со мной пробовали заговорить, но мой «хороший» английский русского качества очень быстро заканчивался, ограничиваясь зачастую информацией анкетного содержания.

Что интересно, норвежские женщины выглядят старше мужчин-сверстников, многие курят, несмотря на дороговизну табачных изделий. Например, одна пачка «Мальборо» стоит почти десять евро. Это за счет высокого акциза, как мне сказали, чтобы оплачивать лечение курильщиков. Разумно. Только почему это не касается, например, сладостей, кока-колы, сахара, шоколада, которые способствуют ожирению, атеросклерозу и многочисленным «...озам», обрекая на плохую работоспособность или инвалидность?

Совсем, как тайный агент на задании, я обращала внимание на внешность и поведение собеседников, на быт простых

норвежских семей. В целом, это были простые люди без чувства собственного превосходства, высокомерия или манерности, очень улыбочивые и благодушные. Быт каждой семьи соответствовал социальному статусу. Работающие, все равно где, имели собственный дом, добротную мебель, картины, джакузи, полы с подогревом, гараж с машиной. Обращало на себя внимание то, что люди с высоким социальным статусом в основном не курят и ведут активный или спортивный образ жизни.

Наконец-то выходные закончились, наступил понедельник и Одвард уехал на работу, оставив мне мобильный телефон. Периодически он звонил и узнавал, как у меня дела. Я ограничивалась емким интернациональным словом «окей».

С первого же глотка я полюбила норвежскую сырую воду – это нектар, настоящий вкус чистой родниковой воды. После небольших исследований, я поняла, что холодная вода моментально нагревается в электрическом бойлере, а обогрев помещений происходит за счет электрических батарей, оснащенных термостатами. Водоснабжение работает по принципу сообщающихся сосудов, а поэтому, если открыть кран на кухне, когда кто-то моется в душе, то этот кто-то может серьезно пострадать, потому что температура горячей воды достигает около девяноста пяти градусов.

Мне пришлось учиться пользоваться мобильником, шваброй, а также учить норвежский. Как устроена швабра я поняла за полчаса. Очень осторожно, как сапер на обез-

вреживании мины, без особых силовых приемов я изучала механизм действия швабры, но тряпка-чехол победоносно оставалась на своем месте и не хотела сниматься. Я чувствовала, что по норвежской технике безопасности это должно получиться легко и просто. Действительно, «а ларчик просто открывался»: основание швабры легко складывалось пополам от небольшого нажатия с двух сторон на то же основание. Теперь я могла спокойно пользоваться норвежской шваброй без ущемления своего достоинства русского гражданина от своего же незнания.

С изучением норвежского было намного сложнее: язык заедало и клинило, а чужие слова так и не желали произноситься. Чтобы хоть как-то продвинуться, я написала слова на бумажках и прикрепила их на соответствующие предметы. Приходилось постоянно напрягать слух, чтобы запомнить произношение самого простого слова, но, все-таки, без курьезов не обошлось.

Как-то в гости к нам пожаловала гражданская семейная пара.³ Одвард разговаривал с ними, когда я захотела уточнить, что мне делать с куриными яйцами: пожарить или сварить. Спросила на норвежском. И вдруг, у всех присутствующих случился смеховой припадок. Они стали так громко и дико хохотать, что от испуга я опешила. Что собственно случилось? Что я спросила? От смеха они сползли на пол

³ В Норвегии существуют: официальный брак, который регистрируется в мэрии или церкви, однополый брак и гражданский брак. – *Прим. автора*

и продолжали корчиться, не в силах остановиться. А я продолжала стоять, как истукан, не зная, что же делать с яйцами. Прошло еще немного времени и, успокоившись, Одвард объяснил, что я спросила дословно «тебе член или жаренные яйца?». Небольшая ошибка в произношении одного звука и вот такой результат, хорошо, что не летальный.

* * *

Вообще, в наших языках оказалось много общего, только значения разные. Например, «еб» означает работу, «каки» – печенье, «так» – спасибо, названия многих болезней звучат почти одинаково.

Я очень быстро выучила слово «голодный», потому что очень неприятно сидеть голодной много часов подряд. Стоило мне произнести заветное слово, как Одвард сразу сворачивал к ближайшей заправочной станции и покупал сосиску в булке с салатом из креветок.

В очередной раз, остановившись у заправки, Одвард протянул мне деньги и сказал, что я должна сама пойти и купить себе еду. После небольшого препирательства с ним я сдалась и пошла внутрь. Но оказавшись лицом к лицу с продавцом, я начисто забыла заученную фразу, а поэтому позорно вернулась в машину, готовая вот-вот разреветься. Тогда Одвард повел меня обратно, озвучил мой заказ и вручил мне вожде- ленную сосиску. С тех пор я навсегда запомнила эту слож-

ную фразу «яй виль йарнэ ха пельса ме рекесалат».

* * *

Очень часто, практически каждый день, мы ездили в гости к одной семье. Он— подтянутый, симпатичный, интеллигентный норвежец пятидесяти лет, имеющий шестнадцатилетнего сына от первого брака, а она – миловидная афрогражданка двадцатипяти лет, невысокого роста и шаровидной формой тела борца сумо. При росте стошестьдесят сантиметров она весила стотридцать килограммов. У них были общие дети четырех и полутора лет.

Я была в шоке от того, что наблюдала в этой семье. Глава семьи задолго до ухода на работу пылесосил пол во всех комнатах, готовил завтрак, передевал детей и уходил на основную работу, после семичасового рабочего дня он отправлялся за продуктами в магазин, потом готовил обед, стирал, убирал посуду, а уже вечером уходил на четырехчасовую уборку в соляриях. Большого семейного беспредела я не встречала. Может, зря русские бабы своих мужиков жалеют и сами всё тянут на своих плечах? Кто придумал, что мужиков беречь надо? Афрогражданка уже пять лет использует мужика на все триста процентов, а он ещё улыбается, не пьет горькую и не дубасит свою благоверную. Я чувствовала, что с каждым днем, чем больше я узнавала эту женщину, тем меньше у меня оставалось к ней уважения.

Афрогражданка постоянно жаловалась на боли в спине и усталость. Это ж какая спина выдержит таскать на себе лишних семьдесят килограммов! Ей так трудно носить свое любимое тело, что о помощи мужу или об устройстве на работу не может быть и речи. Да и вообще, по закону шариата жена должна сидеть дома. Замечательно, когда человек придерживается своей веры во всем, а не в тех случаях, когда ему это крайне выгодно. За три месяца нашего общения она ни разу не была в магазине, ни разу не помогла мужу, ни разу не вышла погулять с детьми. Все ее выходы с детьми ограничивались открытой террасой.

До своего замужества она официально работала уборщицей в домах наркоманов и алкоголиков. Ей платили хорошие деньги за работу связанную с риском для жизни. После того, как она сошлась со своим нынешнем гражданским мужем, она сильно поправилась, а поэтому работать не может и получает приличную пенсию по нетрудоспособности.

В каком еще государстве платят пенсию за ожирение и его последствия? Неужели норвежскому государству выгодно иметь таких вот «больных»? Может, проще доплачивать деньги тем, кто поддерживает свое здоровье в хорошей форме?

Из разговоров о политической системе и тотальной африканской коррупции получалась очень узнаваемая картинка полностью идентичная российской «демократии». Вспоминать о родине она любила перебирая килограмма три зо-

лотых украшений в ларце из слоновой кости. Зато, ни она, ни ее знакомые соплеменники никогда не жертвовали денег для своих голодных, обездоленных, вечно воюющих соотечественников, проживающих пока еще в Африке.

Где-то раз в неделю шоколадная красавица становилась неприступной крепостью и для мужа и для детей, явно демонстрируя свою озабоченность. Она тихо садилась у открытого окна и, сокрушенно покуривая ментоловую сигаретку, с тоской смотрела на почти безлюдную улицу. На мой прозаический вопрос «все ли в порядке?» она неизменно отвечала, что ее маме срочно требуются деньги. В стране жаркого климата, крокодилов и обезьян маме был куплен дом, а из-за того, что у мамы плохое зрение ей по дому помогает слуга. А еще с мамой живет безработная младшая дочь, которая родила ребенка от непорядочного человека, не джентельмена. Вот такая абра-санта-кадабра, поэтому норвежский муж и должен раскошелиться на содержание своей «любимой» тещи. Свои деньги она тратить не может – это неприкосновенный запас.

Теперь было понятно, почему ее муж такой трудоголик. Загадка – почему она выжимает все соки из мужика, который стал отцом ее детей и содержит всю семью? Может, он – добрый Рыцарь?

В один из дней Рыцарь отвел меня в свой бывший магазин одежды и предложил на выбор все, что моей душе угодно. Когда же я выбрала всего пару топиков, он снимал с

вешалок всю женскую одежду и, скромно улыбаясь, вручил ее мне. Это было так бесхитростно и бескорыстно, что я не смогла ему отказать. А еще специально для меня он купил самый вкусный на свете норвежский мед и зеленый чай. Меня это расстрогало до глубины души – не перевелись еще на земле настоящие рыцари.

Я от чистого сердца сочувствовала Рыцарю в его ежедневном бытовом сражении. Из элементарного чувства благодарности я старалась хоть чем-то помочь ему. Всем очень понравилась русская кухня, особенно борщ и капустный салат. Иногда я гуляла с детьми и укладывала спать малышку. Скоро девочка стала подпевать мне русскую колыбельную и совершенно отказывалась засыпать без нее. Потом я напросилась мыть солярии. Меня приятно удивил факт полного отсутствия там хоть какого-нибудь надзирателя. Вдвоем работалось быстрее и мы управлялись за два часа. Каждые пять минут Рыцарь благодарил меня за помощь. Его деликатность, благородство и воспитанность просто не знали границ! Чем больше я его узнавала, тем больше убеждалась в его исключительности. Таких надо заносить или в «Красную книгу», как вымирающий вид, или в книгу «Рекорды Гиннеса», как достижение человечества.

Я восхищалась им и жалела его. Бедняжка, такой интересный, умный мужчина, так вкалывает на благо семьи, а совершенно одинок, живет без поддержки, любви и понимания со стороны своих близких.

Мне было очень интересно, почему Рыцарь не попросит своего старшего сына о помощи. На что Рыцарь ответил, что не может платить ему тысячу долларов в месяц, поэтому и работает один.

Когда же я спросила об этом же самом его родного шестнадцатилетнего сына, который был очень большим мальчиком под стать папе, то сынуля толково объяснил, что бесплатно работать не может, хотя папу, конечно, очень любит. На самом деле, зачем напрягаться, когда всегда под рукой есть пицца и кола, а также деньги на карманные расходы. Да и пример шоколадной тунейдки не способствовал стахановскому движению.

Чтобы хоть как-то отблагодарить меня, Рыцарь предложил мне бесплатные сеансы в солярий. Прежде чем войти в кабинку, следовало опустить специальные жетоны в автоматический кассу-приёмник и нажать на кнопку с номером кабинки. Перед сеансом и после необходимо было сбрызнуть водой из разбрызгивателя и протереть бумажным полотенцем внутреннюю поверхность аппарата для загорания. Потом надо быстро раздеться, лечь и прикрыть крышку. Автоматически включаются лампы, музыка и свет, тепло охватывают тело со всех сторон. По желанию можно включить вентилятор, выбрав мощность тут же на панели над головой. Сказка, блаженство! Через шесть сеансов у меня был красивый ровный загар.

Естественно, что через некоторое время у меня стали воз-

никать совершенно простые вопросы, касающиеся быта семьи Рыцаря. Выяснилось, что он снимает квартиру в центре города за восемь с половиной тысяч крон. Квартира, конечно, большая: четыре небольшие спальни, две гостинные, небольшая кухня, большая ванная. Своё жильё он не может купить, потому что несколько лет назад стал поручителем бывшего друга в одном банке. Друг с полученным кредитом уехал в другую страну, а Рыцарь вынужден выплачивать его долг. Вот и будь после этого счастливым норвежцем, когда кругом малолетние и лентяи, а зарабатывать приходится в одиночку.

* * *

Время шло и я стала постепенно привыкать к новому стилю жизни. Но, как к нему не привыкай, а свое родное воспитание все-равно проявлялось. Много раз пришлось объяснять Одварду, что ко мне надо обращаться по имени, а не употреблять безликое «ты», что мужчина должен пропускать женщину вперед, что должен помогать и нести из магазина пакеты с продуктами. Он молча соглашался..., а потом забывал.

Мне все труднее было сидеть без дела, хотелось работать и зарабатывать. Одвард, идя навстречу моим пожеланиям, предложил работу уборщицы в его фирме. Ну что ж, если за эту работу готовы платить сто крон в час, то это не так уж

и унизительно. Я абсолютно ничего не знала о норвежском трудовом законодательстве, но меня смутила явная простота: никаких контрактов или подписей. Может здесь так принято?

И я стала «пахать». Я мыла огромные передвижные кемпинги, ремонтную мастерскую, туалет, душевую, столовую и кухню для работников фирмы, кабинеты начальников. Везде было до ужаса пыльно и грязно. Мне объяснили, что здесь не убирались только месяц, а кемпинги стоят грязные всего лишь год.

Было такое впечатление, что они ждали именно меня – русскую тетю, которой и нужна чистота. Я работала с бешеным энтузиазмом, не покладая рук и ног. Я наводила первозданный лоск, предвкушая день расплаты, то есть зарплаты. Но праздник так и не случился. Мне ни-че-го не заплатили за три недели адского труда.

Одвард объявил, что фирма обанкротилась и он тоже остался без зарплаты. Как уверил меня Одвард, здесь это очень часто практикуется. Приличная акционерная фирма до последнего использует кредиты, не платит зарплату за несколько месяцев, а потом объявляет себя банкротом. А потом выясняется, что всё имущество фирмы и частная собственность давно переписаны на жён акционеров. А по местным законам долги не могут взиматься с другого члена семьи, проживающего по тому же адресу, что и должник. Конечно, в этом случае, должнику приходится рассчитывать на

любовь и понимание своей второй половины, на то, что она не вспомнит какие-нибудь старые обиды или не придумает новые.

Вот так печально скончался придуманный мной миф о заграничной честности. Увы. К сожалению, многое становится понятным с опозданием.

Самая большая проблема возникла совершенно неожиданно. Перед поездкой меня неправильно проинструктировали относительно документов. Как выяснилось, для заключения брака с иностранкой, норвежский гражданин должен предоставить справку о том, что невеста не состоит в браке на родине, а также свидетельство о рождении невесты на норвежском языке.

Документы можно было перевести в норвежской фирме по переводам «Noricom», а вот справку без внутреннего паспорта Российское консульство выдать отказалось.⁴

И вот, когда последняя надежда умерла, Одвард негодовал, проклиная норвежские порядки, а я смирилась, случилось чудо. Мне передали паспорт и свидетельство о рождении через совершенно незнакомую женщину, которая прилетела в Норвегию к своей дочери. И уже через неделю у меня были все необходимые документы.

⁴ Смотри сайт Российского консульства в Норвегии: www.norway.mid.ru

Было солнечное тихое утро, когда мы с Одвардом отправились в мэрию. Там нам выдали бланки для брачующихся и свидетелей. Дома у Рыцаря мы заполнили все бланки, отнесли их в мэрию и нам назначили дату росписи через десять дней. До конца моей визы оставалось ровно две недели.

Каких-то особых хлопот по поводу нашей свадьбы я не заметила. Все шло своим чередом. Одвард стал трудиться на каком-то строительном объекте, а я стала ездить каждый день в парикмахерскую.

Надо же было такому случиться, что от скуки листая норвежскую газету, я неожиданно наткнулась на большую фотографию со знакомым лицом! Сюрприз! Интеллект подсказал очень приблизительное содержание статьи, из которой я поняла, что моя бывшая коллега открыла свой салон-парикмахерскую. Я прислушалась к себе и удивилась возникшим противоречивым чувствам. Конечно, я очень хотела увидеть ее, расспросить о ее норвежском житье-бытье, но она же теперь крутая дама с собственным делом, два года уже живет в местном королевстве, а я – никто, без статуса, званий и регалий. Но попытка – не пытка. Я собралась с духом и позвонила по указанному в газете телефону. На другом конце провода не очень обрадовались моему приветствию и поздравлению, но, все же, пригласили в гости.

Одвард бурно обрадовался, что у меня появилась знакомая и свой круг общения – меньше буду скучать по Родине и детям. По своим девочкам я уже давно соскучилась. Материнский инстинкт полноценно отдохнул впервые за многие годы и теперь не давал покоя. А вот ностальгия по Родине и любимым сериалам пока не просыпалась.

Знакомая тепло встретила нас в своем салоне. Клиентов не было, поэтому мы могли немного пообщаться. Одвард, после небольшой беседы с Хозяйкой салона, уехал, пообещав забрать меня по первому требованию, и мы остались вдвоём.

О чем можно говорить двум женщинам, двум бывшим коллегам, совсем не общавшимся раньше, чуть ли не в прошлой жизни, и оказавшихся волею судеб здесь на чужбине? Конечно, обо всем!

Собственно, моя история уложилась в несколько минут, а затем я стала благодарным слушателем. Мы пили кофе и я внимательно слушала про ее жизненную эпопею.

С норвежцем она познакомилась через свою знакомую. Они немного переписывались, а потом он предложил ей замуж. Недолго думая, она уволилась с работы, продала квартиру и поехала в Норвегию. Уже на месте жених объявил, что передумал жениться. Но не тут-то было. Ей терять уже было нечего, а поэтому она, пригрозив ему полицией и прессой, потребовала, чтобы он нашел ей другого кандидата в мужья. Месяц он давал объявления в газеты, а она встречалась с

разными мужчинами, откликнувшись на объявления и желающими покончить со своим одиночеством. А таких оказалось преогромное количество. Большинство из них и слова доброго не стоили: спившиеся, интеллектуально ограниченные, невоспитанные, неряшливые, да еще и бедные. Были и обидные, хамские предложения переспать или подзаработать проституцией. Вобщем, ее задача выйти замуж оказалась не из легких.

И вот, когда у нее опустились руки, звезда удачи зажглась и она встретила своего нынешнего мужа. Муж был старше на пятнадцать лет, спортивный, добродушный, умный, воспитанный, бездетный, уважал русскую культуру, имел собственный дом и пенсию по состоянию здоровья. Единственным камнем преткновения оказалась его одинокая мать, которая не желала мириться с новым статусом своего сына, а поэтому постоянно надоедала. То она придет в гости в двенадцать часов ночи, вынуждая их отложить свои супружеские обязанности, то требует срочной починки какой-нибудь ерунды, лишая их вечернего отдыха.

А может это типичное противостояние между невесткой и свекровью? Я могла только догадываться, потому что не имела такого печального опыта ни с русской, ни с норвежской свекровями.

Для изучения норвежского языка в Норвегии предусмотрены специальные школы. Все иностранные жены учатся там бесплатно. После этой школы Хозяйка поступила в школу

искусств на парикмахера. Долгих пять месяцев она мучилась на лекциях и практических занятиях за пятьдесят тысяч. Дорогое это удовольствие, вернее, сертификат. Теперь она – полноправный член норвежского общества, платит налоги, а ее муж платит небольшой кредит в триста тысяч, взятый для покупки салона.

Узнав, что я живу неподалеку, Хозяйка предложила подработать у нее уборщицей. Договорились, что я буду получать сто крон в день, независимо от количества клиентов.

Утром следующего дня я долго и одиноко торчала на автобусной остановке, устав от всеобщего внимания водителей. Складывалось впечатление, что я стою не на обычной остановке, а в витрине магазина. Где же этот автобус-призрак? Ответа я не знала, а поэтому решила ловить попутку.

Где-то я читала, что за границей это надо делать подальше от автобусной остановки, а поэтому я повернулась и пошла по самому краю обочины, стараясь не упасть в кювет. Пройдя метров сто, я с удивлением обратила внимание на отсутствие машин. Трасса оживлённая, а меня ни одна машина не обгоняет. Каково же было мое удивление, когда я обернулась! Десятки машин, выстроившись длинной вереницей, ехали за мной со скоростью хромого пешехода.

Я остановилась в полном недоумении: места для проезда больше, чем достаточно, я абсолютно никому не мешаю. Но все водители дали по тормозам и машины застыли в полной панике. Этот испуг так рассмешил меня, что я, как мож-

но веселее и доброжелательнее, стала жестикулировать, призывая их к дальнейшему следованию. С большой осторожностью, недоверчиво косясь в мою сторону, они стали потихоньку проезжать мимо меня. Стало понятно, что и под страхом смертной казни, никто не остановится на оживленной трассе, чтобы взять пассажира. Я не хотела препятствовать движению транспорта, а поэтому черепашками шажками пошла обратно на остановку. До нее оставалось метров пятьдесят, когда к ней подъехал автобус. Я тут же рванула к нему и окончательно парализовала дорожное движение на целых две минуты.

В автобус принято входить только в первую дверь, потому что билет надо покупать у водителя. Шофер автобуса выглядел капитаном корабля: белоснежная рубашка, галстук, белозубая улыбка. Я оказалась единственным пассажиром в огромном автобусе. Было приятно сознавать, что я села на нужный автобус, что водитель понял мое произношение и теперь можно расслабиться. Из простого любопытства я старалась, как можно подробнее, рассмотреть внутренность авторебуса. Зрелище было потрясающим для русского человека. Обычный рейсовый автобус поражал своей чистотой и комфортом: удобные мягкие кресла, на окнах обычные и рулонные занавески от солнца, под сиденьями контейнеры для мусора. Рассматривая выданный билет я прочитала название своего пункта назначения, а также увидела дату, точное время посадки и стоимость проезда.

На следующей остановке тоже был один пассажир. Автобус мягко и бесшумно остановился, водитель вышел, поздоровался с пассажиром, взял его чемодан и поставил в багажное отделение, которое находилось с наружной стороны автобуса.

Табло электронных часов, расположенное вверху над лобовым стеклом, показывало половину десятого, когда водитель объявил мою остановку персонально для меня. Увидев на выходе различные расписания автобусных маршрутов, я, указывая на них пальцем, смогла задать единственный вопрос «бесплатно?». Получив от водителя утвердительный ответ я запаслась расписаниями, как будто у меня, что ни день, то новая поездка по новому маршруту.

Из автобуса я вышла в прекрасном приподнятом настроении – как же это здорово, когда люди улыбаются друг другу просто так, желая подарить радость незнакомому ближнему и засвидетельствовать свое миролюбие. Я чувствовала, что с каждым днем здесь, в Норвегии, какая-то часть моего «я» как будто освобождается от чего-то фальшивого и ненужного. Может, душа стремится скинуть защитные доспехи?

В салоне меня ждала Хозяйка. Она подробно объяснила мои несложные обязанности: предложить клиентам кофе и печенье, протирать зеркала, заметать волосы, складывать расчески в дезинфицирующий раствор, периодически стирать и сушить полотенца, в конце рабочего дня вымыть пол.

По соседству находился популярный кемпинг-плас. Хо-

зьяйка рассказала, что сюда на рыбалку приезжают туристы со всего мира, а все эти кемпинги много лет назад построил собственноручно его владелец. Он уже пожилой, но очень крепкий мужик, вырастил своих троих детей, а теперь взял на воспитание девочку больную аутизмом и сегодня Хозяйка будет делать ей прическу, так как вся семья приглашена на свадьбу.

Норвежские клиенты отличались доброжелательностью и спокойствием. Они легко шли на контакт, рассказывая о себе или беседуя на исторические или политические темы. Я восхищалась умением Хозяйки говорить на норвежском, деликатно поддерживая беседу. Она же мне жаловалась, что местный диалект дается ей с большим трудом и что пройдет еще много лет прежде, чем она сможет более-менее свободно общаться. Язык – основной инструмент общения, а с моим «инструментом» только полы мыть.

Очень часто в салон приходили и соотечественницы. Они постоянно жаловались на мужей, на трудное финансовое положение, мотивируя свою просьбу о скидке на стрижку и покраску волос. Мужская стрижка стоила двестидвадцать крон, женская – тристапятьдесят, покраска – от восьмисот. Хозяйка легко шла на уступку, надеясь, что у соотечественницы проявится совесть, появятся деньги и в следующий раз она обязательно заплатит полную стоимость услуги. Сплошная иллюзия, мираж! Ну, не может любитель халявы проявить порядочность. В принципе.

Благодаря Хозяйке, я познакомилась с четырьмя русскими женщинами и подробно узнала об их житье-бытье. Трое из них жаловались на нехватку денег, на отсутствие работы, собственной недвижимости, на проблемы с норвежским языком, на бывших жен и сожительниц своих мужей. Но никто из них не хотел возвращаться на Родину. Было потрачено слишком много сил и времени, чтобы остаться здесь, а на возвращение уже нет ни того ни другого. Лишь у одной дамы все сложилось благополучно. Муж – владелец продуктового магазина, шофер, экспедитор и уборщик, а она – кассир и уборщица в его же магазине. После семи лет проживания в Норвегии она прекрасно владела норвежским и предпочитала уже норвежское общество.

Все мне дружно советовали выходить замуж, несмотря на полную противоположность характеров. В самом деле, одним браком больше, одним меньше. Тем более, как уверяли меня подруги, несостоятельный норвежец по закону не может жениться на иностранке. Его годовой прожиточный минимум должен составлять не менее стасемидесяти тысяч.

Как выяснится через много лет, годовой доход Одварда на момент женитьбы составил четыре тысячи крон. Да здравствуют великие норвежские законы!

* * *

Забрав меня в очередной раз из салона, Одвард объяснил,

что должен помочь своим друзьям с переездом. Я была не против его участия, но оказалось, что я тоже участвую в этом мероприятии. Мы подъехали к многоэтажке в четыре этажа. Недалеко от подъезда стоял готовый к загрузке грузовик. Мы прошли в подъезд и я просто обалдела. Идеальная чистота, кругом цветы, зеркала, на дверях красивые таблички с именами проживающих, у порогов лежат чистые аккуратные коврики, на окошках – прозрачные занавески.

Хозяева-друзья обрадовались прибывшей рабсиле и все мы дружно принялись за вынос вещей. Минут через двадцать всеобщий энтузиазм спал, а поэтому я тоже сбавила обороты, стараясь не выделяться из общей массы. Вот так, не торопясь, с перекурами и кофепитием, мы постепенно заполняли грузовик. По окончании погрузочных работ нам сердечно поспасибили и мы отправились домой без денежной благодарности и с пустыми животами. Меня восхитило бескорыстие Одварда, но почему его друзья такие скупердяи? Одвард долго въезжал в смысл моего умозаключения, а когда понял, то успокоил, что они обязательно заплатят, когда мы перевезём их вещи в другой город.

Утром следующего дня мы отправились в дорогу. Предстояло проехать около девяноста миль. Я же, по своей наивности неопытного путешественника, посчитала их за девяносто километров. Немного адаптировавшись к местным дорогам, я уже спокойно реагировала на крутые виражи и пике. Наверное, я никогда не перестану восхищаться и насла-

ждаться красотой норвежской природы, этими удивительными красочными пейзажами и ландшафтами. Взору открывались то таинственные безлюдные просторы со скудной северной растительностью, то высоченные горы, заросшие непроходимыми лесами и ниспадающими с высоты водопадами, то горные реки и величественные фьорды. Вся природа будто дышала загадочным, сказочным духом эльфов и троллей. И всю эту красоту сохранили и не испортили, не уничтожили при строительстве мостов, тоннелей, дорог, домов, городов. Какие же молодцы, эти норвежцы, что сумели построить цивилизацию без ущерба окружающей среде на минимально пригодном участке суши.

За окном расстелалась тундра, а мне сильно приспичило по малой нужде. Одвард невозмутимо ответил, что надо доехать до туалета, потому что по закону справлять нужду возле дороги запрещено. Наверное, поэтому сам он писает, где хочет. Одвард громко заржал на мое замечание и уверил, что у него есть личное разрешение от Короля Норвегии. Не вовремя в Одварде проснулся шутник и великий патриот. Почти час я гипнотизировала себя, убеждая организм держаться до последнего. И вот, в тот момент, когда «промедление смерти подобно», мы, наконец-то, подъехали к лучшему достижению человечества – туалету. Как всегда, там оказался полный порядок и комфорт. Хвала норвежским уборщикам, норвежской системе и всем богам!

Чтобы скрасить многочасовое молчание я стала петь все

песни, какие только помнила. Песни «Машины времени», «ДДТ», А.Розенбаума, русские народные, романсы из кинофильмов зазвучали в моем неистовом исполнении, без остановки сменяя одна другую. Спасибо, вам, отцы русского рока и дай вам Бог многие творческие лета! Аминь от соотечественницы.

Одвард совершенно не реагировал на мое музыкальное шоу-иступление-выступление. То ли оглох, то ли онемел не от счастья... И, если от поездки я была на последнем издыхании, то Одвард выглядел бравым водилой без тени усталости на лице. Его слова о том, что за рулем он отдыхает не оказались преувеличением. Но, к моему счастью, конец нашего вояжа уже был не за горами.

За окном замелькали густонаселенные местечки и скоро мы оказались в большом городе. Он радовал своей деревенской простотой одно-, двух- или трехэтажных домов, окруженных зелеными лужайками и цветами. Центр был застроен пятиэтажками и торговыми центрами. Несмотря на оживленное автомобильное движение, соблюдалось святое дорожное правило о приоритете пешеходов. Поражало большое количество беременных женщин, мужчин с колясками и инвалидов на электрических инвалидных креслах.

Мы подъехали к пиццерии и Одвард заказал самую большую пиццу, которая по размеру была чуть меньше круглого стола Короля Артура. Густой аромат свежеприготовленного теста и мяса заполнил собой все околomашинное про-

странство, кабину, наши носы и рты, возбуждая и разжигая нешуточный аппетит. Волчий аппетит Одварда подпрыгнул до кондиции, а поэтому сил терпеть и ждать, когда еда остынет, у него не осталось. Он стал жадно кусать громадный горячий кусок пиццы, рискуя обжечься, но упорно пытаюсь его как-нибудь прожевать. Жевать очень горячее Одварду было легче с открытым ртом. Задрав слегка голову вверх, чтобы еда не вывалилась из открытого рта, он наклонял голову то вправо, то влево, приговаривая «чертовски вкусная пицца». Как вдруг, глаза его его остановились и быстро полезли из орбит, дыхание остановилось и слова вместе с недожеванной пиццей застряли у него в горле. Одвард моментально наклонился вниз и стал судорожно кашлять, извергая все, что стало поперек горла, прямо на пол. Отдышавшись, Одвард понял, что пытался проглотить вместе с пищей и кусок картона, который он оторвал от упаковки и использовал, как одноразовую тарелку.

После ланча мы поехали на окраину города и остановились у тринадцатизэтажного дома. Это был шедевр современной архитектурной мысли, воплощенной в стекле и бетоне. Просторный холл, вместительный зеркальный лифт сверкали чистотой. Лифт бесшумно поднял нас на самый верхний этаж, двери раскрылись и мы вышли на красную ковровую дорожку. Убедившись, что оркестра нет, я поспешила за Одвардом, который почти скрылся из вида.

Квартирка впечатляла не меньше, чем дом. Внимание

привлек ярко-желтый мотоцикл, стоящий... на балконе. Весь балкон, кроме пола, был застеклен и поэтому создавалось реальное ощущение свободного выхода в воздух, на околодомную орбиту, так сказать.

Норвежские граждане немного пообщались в моем молчаливом присутствии, а потом не особо торопясь, мы стали носить вещи из грузовика. Прошло несколько часов и мой пустой желудок стал громко урчать, пугая окружающих и требуя еды. Хозяева немного подсуетились и нам были предложены прозрачные бутерброды и кофе. Пропитания было катастрофически мало, поэтому я ограничилась двумя плоскими бутербродиками, чтобы Одварду досталось побольше. Но он, конечно, даже не догадался о такой жертве со стороны русской барышни.

* * *

Закончив дружеский визит, мы отправились в обратный путь, хотя полной уверенности у меня в этом не было. Одвард опять разговаривал по своему любимому мобильнику, а я размышляла о загадке норвежской души и души как таковой. По идее, любая душа – загадка, а чужая – сплошные потемки. Как часто, общаясь на родном языке мы абсолютно не понимаем друг друга или понимаем с точностью наоборот? Сотни, тысячи людей могут прочитать одну и ту же книгу, но каждый будет трактовать ее по своему, придумывая неве-

роятное новое и совершенно забывая очевидное.

Я не была избалована пониманием со стороны своих близких, поэтому не особо переживала по поводу непонимания со стороны Одварда. Надеюсь, что это временные трудности. Научила же я его убирать за собой грязную посуду, делиться конфетами, а не есть их со скоростью света в одно лицо. К сожалению, этим победы в воспитании и ограничились. Каждый раз он по-прежнему забывал сказать «спасибо» за обед, по-прежнему бросал грязные носки в зале, по-прежнему безбожно гадил и в машине и дома, по-прежнему пердел всегда и везде. Я еще надеялась на его дальнейшее успешное перевоспитание. А сейчас главное, что он добрый и нежадный.

Одвард, как всегда, внезапно прервал мои размышления, сказав, что «мне звонил доктор». Чтобы поддержать разговор в рамках своего ограниченного лексикона, я поинтересовалась, кто у него доктор – мужчина или женщина? Одвард сурово посмотрел на меня, наверное, в чем-то подозревая, но промолчал. Тогда я снова повторила свой вопрос. В ответ Одвард упорно хранил молчание. Пауза неприятно затянулась, но тут Одвард снова произнес ту же самую заколдованную фразу. Сказка «Про белого бычка» в норвежском варианте обещала быть интересной. Стараясь сохранить самообладание, я как можно четче повторила свой вопрос «кто твой доктор – мужчина или женщина?». Но Одвард вцепился в руль и демонстративно уставился на дорогу. Почему мой

простой вопрос поставил его в тупик? И тут до меня дошло, что он сказал «моя дочь звонила мне», а мой вопрос для него звучал «кто твоя дочь – мужчина или женщина?». Когда я, нахохотавшись вволю, рассказала об этом Одварду, он радостно заулыбался, обрадовавшись за мою вменяемость.

Мы продолжали ехать вдоль небольших полей, на которых кое-где паслись коровы или овцы. Ухоженные буренки неторопливо жевали траву и равнодушно разглядывали проезжающие мимо машины. Мы свернули на проселочную дорогу и, проехав еще немного, остановились у большого двухэтажного дома. Только тут Одвард объяснил, что мы приехали к его родителям. Сюрприз! Это, когда **ОЧЕНЬ** неожиданно, но не всегда приятно.

Одвард быстро выскочил из кабины и стремительно ушел в дом, оставив меня одну. Он даже не подумал подождать меня, пригласить в дом, представить родителям. Это было неприятно, но терпимо и кое-как объяснимо: бедный мальчик соскучился по родителям, торопился их обнять и предупредить о моем существовании. Я зашла в дом и осторожно открыла дверь из-за которой раздавались голоса.

На кухне сидели Одвард, его родители и еще два незнакомых молодых человека. Со мной никто не поздоровался и все продолжали общаться, не обращая на меня никого внимания. Захотелось развернуться и уйти... совсем. С другой стороны, «качать» права в чужом доме было как-то неудобно. Да и как их «качать» без знания норвежского языка? Что-

бы не стоять позорным столбом пришлось через силу пройти и сесть на колени Одварда, потому что свободных мест больше не было. Мое присутствие для окружающих так и осталось незамеченным. Меня в упор проигнорировали. На минуту прервавшись Одвард предложил мне сходить в душ и я была рада покинуть общество под благовидным предлогом.

Контрастный душ всегда действует благотворно и при физических и при эмоциональных перегрузках. Расслабившись под струями воды, я почувствовала умиротворение и прилив новых сил. Еще неизвестно, как бы я сама отреагировала, если бы моя дочь привела в дом бесприданника из экономически неблагополучной страны.

В хорошем настроении я вернулась на кухню и застала там Одварда в компании молодых людей. Он весело болтал и что-то стряпал. Увидев меня, он демонстративно показал мне морковку и что-то спощлил в мой адрес. Шутка была, наверное, очень гадкой, потому что все они дружно заржали и брезгливо затрясли головами.

Все. В один момент вся моя миролюбивая философия умерла. Я развернулась и ушла на второй этаж собирать свои вещи. Почему так жестоко? За что? Что плохого я им сделала? Я беззвучно рыдала. Никто и никогда не унижал меня. А тут, накануне регистрации... Я вытирала мокрое от слез лицо, но новые слезы снова бежали по моим щекам. Видно, не судьба моим детям иметь отца и полную семью. Было невыносимо больно и обидно. Полный крах надежд.

Я не знала сколько прошло времени, но, немного успокоившись, стала приводить себя в порядок, чтобы спокойно покинуть этот дом и всех, кто в нем находился. Мой обратный билет находился за сотни километров отсюда. Значит, буду добираться пешком и автостопом. В разгар моих заключительных сборов в комнату вошел Одвард. Он был по-прежнему весел и улыбчив и вел себя, как ни в чем не бывало. Его восклицание «проснулась!» попало в самую точку. Я действительно проснулась... от кошмара. Сказка кончилась и корчилась в судорогах, Золушка не стала принцессой, а чудовище оказалось настоящим.

Я попыталась высказать хоть часть того, о чем думала, сидя здесь в полном одиночестве и унижении. Но стоило мне открыть рот, как от новых слез перехватило в горле. Со слезами на глазах я объяснила этому великану, что он жестоко оскорбил меня, а поэтому я не желаю выходить за него замуж и уезжаю домой.

Одвард был ошеломлен. Он застыл словно изваяние, словно заколдованный статуей, увидевший голову Медузы Горгоны. Трудно выяснять отношения с небольшим словарным запасом, который к тому же ограничен бытовой темой.

Я беспомощно сидела на диване, вытирая остатки косметики на мокром лице. Одвард, наконец, очнулся, подошел к столу, взял мой словарь по норвежскому и через пару минут протянул его мне с подчеркнутыми словами «жирный», «страшный», «гадкий». Я подняла на него галаза и удивилась

той душевной боли, которая отразилась на его лице. Конечно, нелегко ставить себе такой диагноз.

Глаза его слегка увлажнились и он, сделав над собой усилие, попросил у меня прощения.

Я не могла простить вот так, сразу. Мысленно я уже давно всё похоронила и неожиданный поворот событий не входил в мои планы. Что делать? Я ответила, что должна подумать. Викинг без эмоций выслушал мой приговор, улегся холмиком на другой диван и печально уставился в потолок. Вся его поза говорила о кротком смирении ягненка.

Мой запал насчет пешего марш-броска в сотни километров сильно поубавился, потому что душевные силы были на исходе. Надо отдохнуть, а потом уже решать. Свернувшись калачиком в углу дивана, я моментально отключилась и уснула.

Утром я разбудила Одварда и со всей страстью великодушной женщины заявила, что прощаю его не в первый, но в последний раз. Мы помирились и на горизонте снова замаячил мираж ожившей сказки.

* * *

Ехать предстояло довольно долго и наше молчание тяготило нас обоих. Немного помявшись, Одвард стал рассказывать о своей прошлой жизни и женщинах. Первые свои деньги он заработал в четырнадцать лет на заготовке дров, шко-

ду бросил, выучился на шофера грузовика, а с девятнадцати лет стал жить гражданским браком с одной девушкой. Она родила ему двух детей, была плохой матерью и хозяйкой, изменяла ему с соседом.

А он ничего не знал и вкалывал сутками напролет, потому что надо было оплачивать взятый на дом кредит. Заподозрив неладное, Одвард решил все выяснить. Он, как шпион, спрятался в кустах и наблюдал всю картину «супружеской верности». Был жуткий скандал. Он ворвался в дом, чуть не убил их обоих, покрушил всю мебель, выкинул их на улицу и успокоился лишь в полицейском участке.

Потом он пробовал сойтись с другими женщинами, но им были нужны только его деньги. Никакой любви, заботы, понимания он от них не видел. Последние семь лет он жил с настоящей алкоголичкой, которая постоянно устраивала скандалы и драки, была никудышной хозяйкой и безответственной матерью для своей дочери.

Невольно я почувствовала себя ангелом по сравнению с этими женщинами. Может, ему надо время, чтобы привыкнуть к тому, что я другая? Его же я спросила, почему он терпел этот беспредел от своей алкоголички, что ему мешало уйти? Одвард тяжело вздохнул и объяснил, что ему было жаль ее дочь, маленькую, беспомощную, никому не нужную девочку. Он как мог заботился о ней, мыл посуду, готовил еду и ждал, когда ее мама образумится, перестанет шлаться по барам и пьянствовать.

Совсем как в обычной российской семье, только с точностью наоборот, когда все проблемы и немеханизированный быт тяжким грузом падают на хрупкие женские плечи.

Затем Одвард подытожил, что он разочаровался в норвежских женщинах и все свои надежды на будущую счастливую семейную жизнь он возлагает на брак со мной. В последнем я была полностью с ним солидарна. Для меня это тоже был последний шанс.

Мы свернули с главной дороги и, проехав несколько километров, остановились в каком-то захолустье у старого страшного дома. Оказалось, что здесь жила семья его сестры. Уличная дверь была открыта настежь, но дорогу в дом преграждали большущие мешки, из которых прямо на грязный пол повываливалась разная одежда. Тут же валялось несметное количество обуви с засохшей и свежей грязью. Не снимая обуви мы с трудом пролезли через мешки, прошли внутрь и оказались на просторной кухне, которая больше была похожа на помойку. Все столы были заставлены грязной посудой, объедками, газетами, окурками и пустыми бутылками, на полу в клубках пыли валялось собачье дерьмо.

Семейство из двух взрослых и пяти детей невозмутимо восседало за столом в ожидании нашего прихода. Свободных мест не было и нам, естественно, никто их не уступил. Сестра была похожа на колобка в парике и очках. Она явно не страдала от избытка интеллекта, беспристанно смеялась и что-то говорила о переезде. Вот уже месяц, как они сюда

переехали, а она все не может навести порядок.?!?!.

От чувства омерзения я вообще перестала хоть что-то понимать, но догадалась отказаться, как и Одвард, от предложенного кофе. Эксперименты в антисанитарных условиях лучше не проводить, поэтому я не рискнула даже выпить стакан воды. Не знаю, зачем мы приехали сюда? Такая экзотика и в России встречается. Может Одвард хотел показать, что кто-то живет хуже него? Для меня это так и осталось тайной. Слава Богу, что визит вежливости быстро закончился и мы поехали дальше.

Случайно вспомнилась одна история, когда русская семья ждала иностранного жениха своей дочери в гости, то они весь подъезд до пятого этажа вымыли, хотя жили на втором.

* * *

Родной подвал ненадолго ожил нашим присутствием, а потом все опять затихло и погрузилось в ночную тишину. Одвард разбудил меня рано утром наспех объяснив, что нам срочно надо ехать на встречу. Через полчаса после молниеносных сборов мы приехали на место и Одвард стал разговаривать с приятным пожилым господином, который оказался хозяином большого участка леса.

Я уже знала, что норвежцы могут часами говорить ни о чем или об одном и том же. И, если в первое время я помалкивала и не вмешивалась, то в последнее стала частень-

ко прерывать бесконечный словесный поток Одварда и проситься домой, ссылаясь на выдуманную усталость, голод или головную боль. Но в этот раз я прочувствовала важность момента и не стала пугать разговорщиков своим норвежским, а просто пошла осматривать окрестности и собирать малину. Буквально через два часа диалог был закончен и мы поехали домой.

С важным видом Одвард объяснил мне, что владелец земли – миллионер, любит играть в гольф, а поэтому хочет иметь собственный гольф-бан. Вот Одвард и взял подряд на все виды земельных работ. Затем он поинтересовался есть ли у меня водительские права и опыт работы на грузовике. Постановка вопроса стукнула по моему самоуважению на профпригодность. Я ответила, что, к сожалению, таких прав у меня нет, но зато могу управлять ракетой, а если серьезно, то в школе я была лучшей по вождению трактора. Правда, было это в прошлом столетии, когда мы жили почти при коммунизме. Одвард очень обрадовался и тут же пообещал взять меня на работу... трактористом-бульдозеристом. Кто бы мог подумать, что спустя двадцать лет мне может пригодиться двухгодичный курс по вождению трактора? И где, здесь, в Норвегии? И все же, я была рада своей востребованности и возможности разделить бремя денежных трат.

На следующее утро наша бригада из пяти человек приступила к работе. Надо было валить деревья, стаскивать их в кучу, грузить в грузовик, ровнять землю, пахать ее, убирать

остатки деревьев и невероятное количество камней. Одвард отвел меня к небольшому бульдозеру, ровно три секунды показал, как это работает, и оставил меня одну. Работать было интересно и не очень сложно. От малейшего прикосновения к ручкам управления машина легко приходила в движение, поэтому была нужна ювелирная точность, чтобы сгребать и перетаскивать поваленные деревья. Пыль стояла столбом, лезла в глаза и нос, скрипела на зубах. Но, как говорится, «назвался груздем – полезай в кузов». Через каждые сорок пять минут был пятнадцатиминутный перерыв, а в полдень наступил ланч.

Все собрались за одним столом и каждый стал есть свои бутерброды. Проголодавшись за шесть часов работы, я сосредоточенно уплетала бутерброд, когда сидящий напротив норвежец, стал разглагольствовать о России, как о вечном источнике проблем для всего мира, о русской радиации, проституции и наркомании. К сожалению, я давно уже не патриот своей страны, но слушать спокойно подобные обвинения было выше моих сил. Моего словарного запаса хватило, чтобы заявить, что он не знает того исторического и культурного наследия, которое подарила моя страна миру и что именно русские солдаты освободили его страну от фашистов. И, вообще, он не имеет права судить мою страну, потому что никогда в ней не жил. И пусть объяснит мне, каким великим достижением, кроме нефти, может гордиться Норвегия и почему в его экономически благополучной стране существуют

и наркомания и проституция и алкоголизм? Тирада закончилась, ответа не было, все сидели в шоке. Потом он, все-таки, извинился передо мной и мы продолжили работу в интернациональном, дружеском перемирии.

Работали мы по двенадцать-четырнадцать часов в день. От моего ухоженного вида не осталось и следа. Я даже не обращала внимания на свои порванные кроссовки, из которых торчали наружу пальцы. Попросить новые мне было неудобно – я же еще ничего не заработала, а по какому тарифу вкальываю и терплю все лишения – не знаю. Меня так и тянуло спросить об этом Одварда, но вдруг он подумает, что я ему не доверяю?

Через несколько дней Одвард сам сообщил, что у нас почасовая плата составляет стотридцать крон. Сумма запретельная для простого русского человека. Я была почти счастливой. Скоро мы станем богатые, я заберу детей, мы купим дом. Полету моей фантазии не было предела, одна радужная картинка сменялась другой. Требовался выход переполнявшей меня радостной энергии, поэтому я стала делиться своими соображениями с Одвардом.

Он согласно кивал головой и многозначительно поддакивал. Дома он позвал меня к компьютеру и ошарашил своим сюрпризом. Мы смотрели фотографии и чертежи какого-то огромного поместья. Двухэтажный дворец с колоннами, тридцать пять комнат, джакузи, хрустальный туалет, позолоченные краны, отельчик для гостей, гаражи, конюшня.

Размах и высочайший уровень европейского стандарта были умопомрачительными и сногсшибательными. Куда нам столько? Кто все это будет содержать в красоте и чистоте? Одвард, поняв мои страхи, успокоил, что на втором этаже будет жить семья Рыцаря, что у них есть совместный бизнес-проект по отдыху и развлечению для богатых людей. К их услугам будут верховая езда, ночной клуб со стриптизом, бильярд, пинтбол, ресторан с русской кухней и стоматологический кабинет с русским врачом.

Сказка? Еще какая! Все фэнтази и топ-легенда «Золушка» отдыхают! Грандиозные планы Одварда настолько потрясли мое сознание, что у меня не закралось даже тени сомнения. Впрочем, Одвард окончательно и бесповоротно убедил меня в реальности такой перспективы, которая должна осуществиться к Рождеству. Господи, неужели на Твой светлый праздник я стану королевой? Блаженны наивные, пока не ведают истины.

* * *

По случаю предстоящей регистрации я привела себя в полный порядок, сделала макияж, прическу, маникюр, одела самое нарядное платье, туфли на высоком каблуке. Жених ограничился походом в душ и... одел чистую рабочую одежду.

Судя по Одварду, церемония нашего бракосочетания обе-

щала быть самой заурядной. Что ж это за напасть такая: за русского замуж выходила без фаты, белого платья, колец, цветов и родителей, и за норвежца выхожу точно так же. Почему такое однообразие?

Мы подъехали к магазину мужской одежды, Одвард стремительно скрылся в нем и буквально через двадцать минут появился в новой и совсем недорогой одежде очень напоминавшую рабочий вариант. Может я чего-то не понимаю и здесь так принято?

В мэрии нас поджидали свидетели, с которыми мы и прошли в небольшой уютный зальчик. Вскоре появился мужчина в красивом черном одеянии и с черной четырехуголкой на голове, совсем, как у выпускника какой-нибудь американской академии. Он извинился за опоздание и пригласил нас в маленькую комнатку, в которой уже горели большие белые свечи. Мы с Одвардом сели за стол, напротив церемониймейстера, а свидетели – сзади нас. В течение двух минут нам было что-то прочитано, потом я услышала фамилию Одварда и его утвердительный ответ «да», а затем прозвучала и моя фамилия.

После моего рокового согласия нас дружно все поздравили, а через пару минут вручили свидетельство о браке. Это была простая бумажка формата А-4 с гербовой печатью и подписью. Какой брак – такой и документ. Теперь мы – муж и жена.

В сказках все заканчивается свадьбой, потому что после

свадьбы начинается иная реальность, а это уже совсем другой жанр жизни.

Сразу после регистрации мы пошли в полицию, чтобы оформить документы для моего легального проживания в Норвегии. Внутри полицейского участка было уютно и красиво: разноцветные шторы, картины, хорошая мебель. Доброжелательный персонал одинаково быстро обслуживал граждан и не граждан Норвегии. Одвард заплатил восемьсот крон, я заполнила нужный бланк и, сдав документы, мы покинули полицию. Ждать оформления надо было около четырех недель.

* * *

Попойка по случаю регистрации была намечена на субботу. Я пригласила Хозяйку с мужем и малознакомую соотечественницу с ее бойфрендом. Хозяйка сразу отказалась от приглашения по причине полной занятости, а другая мадам пообещала придти. Вечеринка должна была состояться на квартире Рыцаря, потому что приглашать людей в подвал с убогой обстановкой было как-то неудобно.

В назначенный день к семи часам вечера стали собираться гости. На столе стояло пару бутылок русской водки, французский ликер, бутылка красного вина, мартини, несколько банок пива и пару больших салатниц с чипсами и орешками. Никакой сервировки, цветов и свечей, только стаканы и бу-

тылки. Все гости были одеты по-домашнему просто и без затей. Только моя соотечественница со своим бойфрендом выглядели красиво, богато и респектабельно. Они единственные из приглашенных сделали нам скромный подарок, чем окончательно растрогали мое чувствительное сердце.

Народ рассаживался где и как придется. Каждый сам себе наливал выпивку и набирал «закуску». Овард был счастлив и восседал монолитом в единственном огромном кресле и праздновал чисто по-русски, опорожняя один стакан за другим, смешивая и водку и пиво. На протяжении всего вечера звучал только один тост «на здоровье», который звучал, как призыв или приказ к очередному опорожнению стаканов. Зазвучала арабская музыка и афрогости пустились в танцы. Наверное, это немного, что они умеют делать лучше всех, каждой частью тела полностью отдаваясь музыке. Русская Мадам стала травить непристойные анекдоты для норвежских гостей и Одвард гоготал не переставая, заходясь в безудержном хохоте и веселя всех присутствующих. Всем было хорошо, кроме меня.

Как назло, мне совсем не пилося. Умом понимала, что лучше напиток «до чертиков», залить водкой мозги и утопить это неприятное чувство позора и стыда. Дома бы и родные стены помогли напиток. Чувствуя себя совершенно «не в своей тарелке», я вышла на веранду и стала тупо смотреть на звезды. Неожиданно появилась Мадам и, стараясь меня успокоить, поведала свою историю своей жизни в Норвегии.

Она была замужем за фермером. Большого грязнули она в жизни не видела, так как он совсем не чистил зубы и не мыл руки, которые постоянно воняли коровьим дерьмом. А потом она родила близнецов, развелась и сейчас живет припеваючи с пятью детьми, из которых русская только старшая дочь. Ее нынешний друг намного старше, но он очень активный и щедрый мужчина, а поэтому разница в возрасте ее не смущает. У него свой магазин, в котором они вместе работают, из-за своих детей он не может на ней жениться, а поэтому в виде примирения с этим фактом подарил ей машину. Мадам философски подытожила, что, как правило, первый брак с норвежцем – пробный, и большинство иностранок разводятся после получения постоянного вида на жительство. Печальная статистика, увы. Я была совершенно не готова беззаговорочно принять такое откровение.

Мадам допила залпом остатки водки, поспешно погасила только прикуренную сигарету и с ускорением понеслась в туалет. Я осталась на веранде любоваться ночным небом и размышлять о превратностях чужой судьбы, как вдруг, ко мне подошла хозяйка дома и стала что-то возмущенно говорить, указывая рукой на дом. Что-то случилось. Я поспешила за ней в дом и она мне показала заблеваный Мадамой коридор. Картина маслом «Русский позор». Пока я убирала и замывала вонючие извержения, бойфренд пробовал привести в чувство свою подругу. Но тщетно. Тело было в полной отключке и не реагировало на внешнего раздражителя. То-

гда бойфренд потащил бесчувственное тело на выход и загрузил его в машину.

Из всех присутствующих трезвыми оставались только я и Рыцарь. Я чувствовала растущее внутреннее напряжение и тревожные сигналы. За весь вечер Одвард ни разу не обратил внимания на меня или мое длительное отсутствие. Зачем он женился на мне, если ему и без меня хорошо? Возникло странное ощущение, что меня используют вслепую. Я пошла навстречу желаниям своих детей и Одварда, но это не было моим собственным желанием. Наверное, поэтому я не испытываю радости от своей жертвы.

Одвард по-прежнему был в центре внимания, упиваясь своим величием виновника «торжества». Он окончательно забыл о моем существовании, общаясь с вновь подходившими гостями, и только африканочки сочувственно поглядывали на меня изподтишка. Я чувствовала себя абсолютно чужой и ненужной на этом празднике веселья. Хотелось, чтобы все побыстрее закончилось и можно было пойти спать.

Наконец, Одвард допил все градусосодержащие запасы и гости стали прощаться. Мой пьяный муж грозно заявил, что уходит на мальчишник в ночной бар, а я могу его не ждать и ложиться спать. Хорошая норвежская традиция. Слов и выбора у меня не оказалось.

Рыцарь проводил меня в холодную крошечную спальню, заваленную ненужными вещами и коробками, выделил подушку и одеяло без пододеяльника, виновато улыбнулся, по-

желал мне спокойной ночи и ушел. Я безропотно улеглась на нижнюю полку детской двухъярусной кровати и заплакала. Брачная ночь в полном одиночестве. Хотя какое-то, жаль неутешительное, отличие от предыдущего брака. Русский муж хоть три розы подарил, клялся в вечной любви и верности, а не бросил меня одну в чужом доме.

Господи! Ну почему Одвард так по-хамски ведет себя? Почему мы понимаем ошибочность наших желаний и поступков, когда это становится свершившимся фактом? Может потому, что самонадеянно уверены в правильности своего или чужого желания? К чему была вся эта комедия с регистрацией? За весь вечер он ни разу не заговорил со мной, не обратил на меня ни малейшего внимания. Чужие люди, а не он, сказали мне пару комплиментов. Обиднее всего было сознавать, что у него в этом просто не было потребности. Муж предпочел другое общество, всем своим поведением демонстрируя «сделал дело – гуляй смело!».

Наплевав на свою гордость, я пробовала дозвониться до Одварда. Но все было тщетно, абонент был недоступен. Может с ним что-то случилось? Может я воспринимаю все слишком серьезно? У каждого свой болевой порог чувствительности. Мой, наверное, очень низкий, поэтому я особенно болезненно воспринимаю ложь и невнимание.

Я выплакала все слезы, но на душе легче не стало. Дневной свет стал несмело проникать в комнату через гардину на окне, а спасительный сон так и не приходил. Я уговари-

вала себя, что все уладится. Вот Одвард вернется и объяснит, что сложилась какая-нибудь идиотская ситуация, что он спал под забором богатырским сном, а неизвестные похитили его и отпустили только под утро. Я была готова поверить в любую небылицу, сказку, фантастическую историю, лишь бы он поскорее вернулся и мы уехали домой.

Время шло, уже давно проснулись хозяева и их дети, а Одварда так и не было. Пора выбираться из этой берлоги. Господи, как стыдно смотреть людям в глаза! Тем более, что мои глаза заметно опухли и постоянно слезились. Хозяева сочувственно вздыхали и отводили глаза в сторону, как будто это они были виновниками произошедшего. Было неприятно стеснять их своим присутствием, а поэтому я сконфуженно попросила в долг денег и немедленно покинула их дом.

Мне ничего не оставалось делать, как позвонить Хозяйке, изложить ситуацию и принять ее предложение приехать в гости. Сначала я хотела сразу уехать на Родину, но мой паспорт был в полиции и я не знала, когда смогу его забрать. Подчиняясь здравому смыслу Хозяйки, я пошла на автовокзал, чтобы сесть на нужный автобус.

Ехать предстояло долго. Усталость, апатия и уныние крепко вцепились в меня, не давая возможности освободиться от прокручивания надоевшей уже темы. Видно, далеко не все грехи я отработала, отголодала, вот и результат. Телефон предательски молчал, не подавая признаков жизни. Я

выключила его и последнюю надежду на мирное урегулирование семейного конфликта. Ну, что ж, жила я без вас, господин викинг, смогу и дальше жить. Это вы меня умоляли замуж выйти. Желаю вам счастливого плавания, но уже без меня. Трудно, конечно, будет объяснить детям и моим родителям, почему брак распался, не успев начаться. Родители сразу начнут строить всевозможные дурацкие домыслы, злорадуясь своему предсказанию, что их дочь нигде никому не нужна, начнут подозревать, что я что-то скрываю или придумываю. Да, тут нарочно не придумаешь такую ерунду. Почему я такая поддающаяся и ответственная натура? В первую же ночь согласилась на его предложение, идиотка, а потом боялась обидеть даже мотивированным отказом. Не знаю, на какую выгоду и плюсы он рассчитывал, но для себя я видела сплошные минусы. Я с тоской смотрела на проплывающие за окном пейзажи. Жаль, что скоро придется все это покинуть и бесславно вернуться на родину. Жаль.

Хозяйка встретила меня на остановке и мы не торопясь пошли к ее дому. Страсти уже не терзали мою душу и я смогла почти спокойно рассказать, что же собственно произошло. Хозяйка пыталась оправдать Одварда, списывая все на глупое недоразумение. Но я была противоположного мнения. Эта ситуация показала настоящее отношение Одварда ко мне. И то, что он наплевал на меня, публично унизив, как раз и говорило о том, что ему безразличны мои чувства, что он не дорожит ими. Я-то, дура, создала нормальный быт, ра-

ботала не покладая рук, прощала ему многие глупости и гадости, стараясь пересилить себя и полюбить это убожество по-настоящему. И у меня это, в конце-концов, получилось. И зачем, чтобы получить очередной плевок в душу? А мужики, что русские, что нерусские, любят только законченных стерв. Он, наверное, благодаря моему терпению возомнил, что он мужчина моей мечты и поэтому может вытереть об меня ноги где угодно, как угодно и когда угодно. Что ради проживания в Норвегии я буду готова на любые унижения. Дурацкая самоуверенность! Конечно, ему льстило, что рядом с ним молодая красивая женщина и окружающие думают, что она с ним не ради денег, а потому что он – секс-гигант. А он просто гигант, потому что вот уже два месяца, как он добровольно сложил с себя любые сексобязанности. Поэтому, наверное, и убежал на «мальчишник».

Хозяйка понимающе вздохнула, пригласила в дом и мы продолжали общаться уже на веранде. Она достала фотоальбом со свадебными фотографиями и стала подробно рассказывать о своей свадьбе. В отличие от моего недоразумения, у нее была типичная норвежская свадьба с венчанием в церкви, множеством гостей, цветов и подарков. Дома было праздничное безалкогольное застолье с невероятным разнообразием и количеством тортов и сладостей. С мужем сразу сложились интеллигентные отношения. Он получает хорошую пенсию по состоянию здоровья, но постоянно подрабатывает на заготовке дров. В первый год семейной жизни

они каждые выходные ездили на выставки, по музеям и ресторанам. Впрочем, жили очень интересной культурной жизнью. Теперь, из-за взятого кредита, приходится экономить и выезжать получается один раз в месяц.

Моя культурная программа ограничилась посещением фермы с дикими свиньями и пикником в обществе пьяных норвежских полубандитов, которые немногим отличались от чёрных, волосатых хрюшек.

Больше всего Хозяйка ценила в муже надежность и финансовую стабильность. Мы обе посетовали на то, что только со временем начинаешь понимать реальное положение дел, что не текут здесь молочные реки в кисельных берегах, а на деревьях не растут золотые. Наша иллюзия о беспечной заграничной жизни рождена незнанием, полным отсутствием достоверной информации. То, что здесь высокие социальные гарантии для малоимущих, инвалидов, одиноких матерей, конечно, замечательно, но трудоспособное население должно трудиться и платить государству очень высокие налоги. А эта возмутительная помощь Африке? Миллиарды крон гуманитарной рекой льются на чёрный континент, а афрограждане, как воевали так и воюют, как бежали просить политическое убежище, так и бегут, и просят, и получают. А норвежское государство содержит их за счет налогоплательщиков. Пока Директорат по делам иностранцев рассматривает в течение года каждое дело беженца, они получают бесплатное жильё, пособие... и возможность воровать.

Я удивилась такой порочной системе в демократическом государстве. Почему беженцам можно жить на территории Норвегии в ожидании ответа Директората и нельзя работать? Здесь же полно неквалифицированной работы: мыть общественные туалеты, работать в теплицах, убирать на дорогах мусор, пасти оленей. Можно и фермы для них построить, чтобы получали новые полезные навыки, а на все остальные глупости и межнациональные драки с поножовщиной у них не оставалось бы ни сил, ни времени. Лень – мать многих пороков. Или, может быть, я чего-то не понимаю и беженцы – привилегированный класс? Я, в принципе, интернационалист, но зачем же из бледнолицых идиотов делать?

Только Хозяйка успела сказать, что развод здесь длится год, как зазвонил телефон. Это был Одвард и он разыскивал меня. Как мы и договорились, Хозяйка ответила ему, что ничего не знает о моем местонахождении. Я немножко злорадствовала, что Одварду придется теперь понервничать и подергаться, чтобы найти меня. Я окончательно успокоилась и мысленно еще раз попрощалась с ним.

В послеобеденной тишине муж Хозяйки мирно спал в кресле, дочь сидела за компьютером, а собака ждала очередной прогулки по лесу. Хорошо тут у них, спокойно. Лишь я со своей проблемой нарушаю эту идиллию. Как ни крути, а возвращаться к Одварду придется, чтобы забрать вещи и документы. Надо выкручиваться самой, а не пользоваться добротой и симпатией чужих людей. Я включила мобильный и

он тут же зазвонил, высветив номер мужа. Первый раз в жизни мне захотелось немного отомстить, чтобы он, этот толстокожий слон, хоть немножко побыл на моем месте и почувствовал боль от невнимания и наплевательского отношения. А поэтому я выключила звук и пошла мыть посуду.

Хозяйка готовила десерт и рассказывала о кризисных центрах для женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию и пострадавших от своих мужей или сожителей. В эти центры часто попадают иностранки, которые становятся жертвами плохого обращения, потому что мужья относятся к ним, как к купленной вещи. Чем больше узнаешь таких фактов, тем больше убеждаешься, что многие мужчины – необходимое промежуточное звено между обезьяной и женщиной. А любимый аргумент мужчин, что женщина создана из ребра Адама, как раз это и подтверждает, потому что последнее творение всегда совершеннее предыдущего. Мужчины всегда комплексуют по поводу своего мнимого превосходства над женщиной, поэтому и стараются всеми силами доказать свой половой приоритет.

Почему в такой продвинутой стране как Норвегия, отсутствует элементарная программа по адаптации иностранных невест? Надо до брака информировать женщин об их правах и обязанностях, о реальной возможности трудоустройства или обучения, о трудностях, связанных с въездом детей. Почему норвежское государство разрешает жениться злым алиментщикам, должникам, психически больным, ма-

лоимующим? Да и невест не проверяют на «вшивость». Им, что, все равно, кого в страну пускать?

А еще не мешало бы брать брачный залог с жениха за невесту. Если, по причине доказанной измены или издевательств мужа, женщина вынуждена подать на развод до получения постоянного места жительства, то брачный залог мужчине не возвращается и он обязан платить бывшей жене алименты, если она безработная. Если в разводе виновата жена, то ее депортация будет производиться за счет брачного залога, а если отношения сложились нормально, то залог возвращается в семью. Может тогда бы намного меньше стало случаев откровенного издевательства над женами из других стран-государств?

Мобильный телефон продолжал безмолвно сигналить, вызывая к моему благоразумию. Замогильным, осипшим голосом Одвард спросил, где я нахожусь и можно ли ему приехать, чтобы поговорить и все объяснить. Я, как царевна Несмеяна, боялась вымолвить хоть слово, чтобы опять не потекли слезы. Закурив, я призналась, что нахожусь у Хозяйки и прошу привезти мои вещи. Одвард замолчал и пауза обещала быть очень долгой, а поэтому я устало бросила, что разговор закончен. Пусть переваривает мой ответ самостоятельно, без моего присутствия.

Хозяйка стала опять выгораживать моего мужа, предполагая самые нелепые оправдания. Да я сама уже давно нашла десяток таких идиотских оправданий, только легче от этого

на душе не становилось. Факт оставался фактом и упорно твердил, что я оценила его доброту, а он мою – нет, и чем больше я проявляла доброты, внимания и заботы, тем больше он унижал меня. Что это – парадокс или аксиома жизни – я не знала, но мириться с этим не собиралась.

Вскоре приехал Одвард и мне пришлось выйти на улицу и сесть к нему в машину, чтобы окончательно выяснить наши отношения. От моего прямого взгляда он отвел глаза, завел машину и мы поехали в свободном направлении. Выглядел Одвард неважно: лицо осунулось, воспаленные глаза обрамляли темные круги. Видно, брачная ночь прошла продуктивно и с большим успехом.

Выехав на безлюдное место, Одвард выключил мотор и самым виноватым голосом стал рассказывать невероятно торгательную историю. К его другу, бывшему байкеру, пристали чужие пьяные байкеры, стали требовать бесплатной выпивки, потом завязалась драка. Одвард не мог остаться в стороне и, как бывший байкер и доблестный друг, бросился навыврчку. Началось настоящее побоище и кто-то вызвал полицию. Всех забрали в участок, отобрали мобильники, разместили по камерам и не выпустили до обеда.

Викинг-воитель всем своим видом пытался разжалобить и вызвать сочувствие. Слов прощения я так и не услышала. Меня не растрогала эта «душещипательная» история. Глупость – дорогое удовольствие. Если бы он подло не бросил меня одну, то этого бы не произошло. Жаль, что он не по-

пал в «обезьянник» российской милиции. Там бы его быстро научили и родину любить, и жену уважать, и не напиваться до «чертиков». В общих чертах, Одвард понял мою основную мысль, благоразумно не возражал, и в гробовой тишине нервно завел машину.

Я даже не пыталась понять переживает Одвард или нет. Какая разница, я уже решила порвать отношения и вернуться домой. Может, он сожалеет о потраченных на меня деньгах и времени, но это его проблема, я была честна и перед своей совестью и перед ним.

Между тем, мы подъехали к заправке и незнакомая женщина стала настойчиво предлагать цветы для его дамы. Наверное, единственной памятью о Норвегии станут заправки, по большинству из которых я уже могу возить экскурсии. Жаль, что я не могла ей сказать, что скорее пойдет снег в середине лета, чем он догадается подарить мне цветок.

Одвард стал судорожно рыться в карманах и сосредоточенно считать мелочь. Потом он с видом короля высыпал звонкую наличность женщине, вручил мне розу, поцеловал руку и попросил прощения, для большей убедительности обзвав себя идиотом. После секундного замешательства он признался в любви, наверное, в первый и последний раз в жизни.

Прогресс был налицо, но я не упала от счастья ему в объятия. Я не могла вот так, сразу отказаться от своего решения, а поэтому сказала, что должна хорошенько подумать.

Одвард грустно уставился в окно, надеясь, что мне хватит и пары минут. Я же, чувствуя смертельную усталость, попросила его ехать домой. Судьбоносные решения лучше принимать в хорошем настроении.

Дорога была длинная и к Одварду вскоре вернулся дар красноречия. Он весьма убедительно стал рисовать картину моего возвращения на родину. Конечно, родственники и знакомые будут злорадствовать, что меня выгнал муж, потому что в мой добровольный приезд никто не поверит, а многие будут сомневаться и сплетничать, что и замужем я не была, а занималась проституцией. И отмыться от этого я уже никогда не смогу, а страдать больше всех в итоге будут мои дети. Одвард нашёл мою болевую точку и умело воспользовался этим. В принципе, об опасности такой перспективы я и раньше догадывалась, поэтому не спорила, чувствуя, что он тысячу раз прав.

Почувствовав вдохновение и мою нерешительность, он стал упорно доказывать, что все наши межличностные проблемы существуют только по причине отсутствия детей. Он испытывает постоянный стресс, что детям задержат или не разрешат въезд и поэтому я его брошу, а как он тогда будет выглядеть в глазах своих родных и знакомых?

Я не могла ответить, что уже сто дней испытываю страшнейшие перманентные стрессы и по поводу своих детей, и по поводу языкового барьера, и по поводу неприятия меня его родителями, и по поводу денежных проблем и у моих роди-

телей и у нас самих. Но я же не устраиваю истерики, не ухажу в запой или загул с другими бабами... или мужиками, в общем, не осложняю ему жизнь.

Уже подъезжая к нашему подвалу я устало, но внушительно объяснила, что какие бы трудности не ожидали меня в моем отечестве, я не позволю унижать свое человеческое достоинство, а поэтому в следующий раз пусть думает о последствиях для себя.

* * *

Через две недели я получила в полиции свой паспорт с вклеенной годовой визой. Теперь я могла свободно передвигаться по странам Шенгенского договора. Потом мы отправились в контору, оформили бумаги и еще через пару недель мне был присвоен персональный номер.

О том, что этот номер является личной собственностью и его надо держать в секрете даже от мужа, я узнала через год. А через два года я столкнулась с серьезными и необратимыми последствиями от своего незнания.

Визит в банк оставил приятное неизгладимое впечатление. Никакой охраны и решеток, электронное распределение клиентов, бесплатная питьевая вода и кофе, мягкие диваны и удобные стулья, игровая площадка для детей, цветы и картины. Весь персонал сиял улыбками и белыми зубами, одинаково хорошо обслуживая всех, независимо от националь-

ности и бренда одежды.

Подошла наша очередь и кассир отправила нас в кабинет к специалисту. А он уже спешил к нам, как к самым дорогим гостям. До последнего мгновения я не знала причину нашего прихода. Банковский работник спрашивал меня о чем-то, я беспомощно смотрела на Одварда, а он очень уверенно и свысока отвечал вместо меня. И только, когда сделали мою фотографию и я подписала бланк, до меня дошло, что Одвард открыл на мое имя банковский счет и заказал виза-карту, которую вышлют по почте в течение десяти дней.

Вот так просто, за пятнадцать минут? Я же безработная и у меня нет доходов в Норвегии. Одвард самодовольно рассмеялся моему недоумению, сказав, что он ловкач по таким делам, сумел убедить специалиста в будущих грандиозных доходах нашей фирмы, а моей карточкой будет пользоваться сам, потому что его экс-сожительница повесила на него долги и он не может сейчас открыть счет на свое имя. Я была согласна на все, лишь бы поскорее поехать домой и забрать детей.

Одвард чувствовал, что мое терпение на пределе, но, чтобы купить билет надо ждать две недели. Я не могла «въехать», почему так долго надо ждать. А муж не хотел объяснить, что денег на дорогу сейчас нет, что за гольф-банн с ним рассчитаются только через две недели. Впрочем, он не хотел выглядеть полным банкротом, боясь, наверное, моего невозвращения. Так шаг за шагом, скрепя сердце, я привы-

кала покоряться обстоятельствам, которых абсолютно не понимала, и принимать их в том виде, в каком это было удобно Одварду.

* * *

Каждый вечер Одвард брал напрокат у одного знакомого лодку с мотором и мы отправлялись на рыбалку. Никогда не забуду свою первую рыбалку в Норвегии! Одвард отдолжил лодку, которая очень напоминала старую алюминиевую миску. Я прошла вперед и неуверенно села на первую скамью от носа, а Одвард сел на корме у руля. От тяжести мужа лодка только что не прогнулась, но прилично осела, а ее нос круто задрался вверх. Загудел мотор и мы полетели почти в вертикальном положении, сильно подпрыгивая на каждой небольшой волне. Берег стремительно уменьшался, а темная вода с каждой секундой угрожающе заполняла все окружающее пространство.

Муж выглядел бывалым, бесстрашным мореходом, который гордо и смело смотрит, прищурясь от встречного ветра, на чуть приближающийся и вечно убегающий горизонт. Я по-настоящему залюбовалась им и... судорожно вцепилась в ледяную скамейку, стараясь по сильнее прижаться к ней, чтобы не биться об нее костями или случайно не вылететь за борт. С тоской и тревогой я смотрела на еле видневшийся вдали берег с уже неразличимыми домами и пристанью.

Никогда прежде я не испытывала подобного чувства страха за свою жизнь. Молниеносно возникшие мысли, довели меня почти до полного оцепенения, паралича и комы: плавать я не умею, спасательного жилета нет, страховки нет, дети останутся сиротами, если мой муж случайно или специально утопит меня.

Одварда, наверное, порадовало мое искаженное испугом лицо и, чтобы «добить» меня и повеселить себя, он стал выписывать крутые виражи, захлебываясь встречным ветром и своим громовым смехом. Экстримальщик хренов! Напугал меня до смерти и ржет бессовестно! Наконец, лодка остановилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.